

Одарённая

Автор:

[Кристина Кашор](#)

Одарённая

Кристина Кашор

Трилогия Семи Королевств #1

Даже в мире, где люди, наделенные необычайными и, как правило, опасными способностями, не редкость, Катсу боятся и избегают. В восемь лет она совершила свое первое убийство, и с тех пор никто не мог одолеть ее в схватке: Катса стала непобедимым воином... и палачом, безвольным орудием в руках своего дяди, короля Ранды. Она жаждет освободиться от Дара, который, кажется, приносит ей и окружающим лишь боль, искупить причиненные страдания и объединяется с юным принцем из Лионида, чтобы раскрыть заговор и вырвать родные земли из рук короля-злодея. Ей еще предстоит выяснить, какую тайну скрывает ее собрат по оружию и сколько зла может совершить жестокий человек, наделенный властью над людским разумом.

Кристина Кашор

Одарённая

Kristin Cashore

GRACELING

Copyright © 2008 by Kristin Cashore

All rights reserved

© Перевод. ООО «Издательство АСТ», 2015

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2018

Издательство АЗБУКА®

* * *

Моей маме, Недде Превитере Кашор, наделенной Даром готовить котлеты, и моему папе, Дж. Майклу Кашору, который обладает невероятной способностью терять (и находить) свои очки

Часть первая

Леди-палач

Глава первая

В подземельях царила кромешная тьма, но план, который Катса хранила в своей памяти, оказался точен, как и все карты Олла. Катса шла, держась рукой за холодную каменную стену, считая двери и галереи, сворачивая, когда нужно, и наконец остановилась перед дверным проемом, за которым должна была находиться лестница, ведущая вниз. Она присела и, пошарив руками перед собой, нащупала каменную ступень, влажную и скользкую от мха, за ней еще одну. Значит, это и есть та лестница, о которой говорил Олл. Оставалось лишь надеяться, что когда Олл с Гиддоном пойдут здесь с факелами вслед за ней, то увидят скользкий мох и осторожно спустятся, а не скатятся вниз по ступеням, стуча головой о камни так, что мертвые в могилах проснутся.

Катса прокралась по лестнице вниз. Один поворот налево и два направо. Вступив в коридор, где тьму рассекало мерцающее оранжевое пламя факела на стене, она услышала голоса. Напротив факела начинался еще один коридор, и там, как сказал Олл, от двух до десяти стражей охраняли темницу в дальнем конце галереи.

Эти охранники и были целью Катсы. Ее послали сюда прежде всего из-за них.

Катса неслышно кралась навстречу свету и раскатам хохота. Она могла бы остановиться и прислушаться, чтобы понять, со сколькими противниками ей предстоит столкнуться, но на это не было времени. Низко опустив капюшон, она выскочила из-за угла.

Катса чуть не споткнулась о первые четыре жертвы, которые сидели на полу друг напротив друга, прислонившись к стене и вытянув ноги. Воздух был пропитан запахом спиртного, – видно, принесли с собой что-нибудь, чтобы скоротать часы дозора. Ударами по вискам и горлу Катса заставила четверых повалиться на пол без сознания раньше, чем в их глазах успело мелькнуть удивление.

Остался только один стражник – в конце коридора, у самых темниц. Он поднялся на ноги и вынул меч из ножен. Катса двинулась к нему, удостоверившись, что факел за спиной скрывает ее лицо и в особенности глаза. Взглядом она оценила его мощный торс, ловкость движений и твердость, с которой его рука направила на нее клинок.

– Не двигайся. Я знаю, кто ты. – Голос спокойный, ровный. Да, этому храбрости не занимать. Лезвие меча описало в воздухе предупреждающую дугу. – Тебе меня не испугать.

Стражник бросился к ней, но она поднырнула под клинком и с разворота ударила его ногой в висок. Он упал на землю.

Катса перешагнула через тело и бросилась к решетке, всматриваясь во тьму за ней. На полу у стены она заметила очертания съежившегося человека: он настолько устал или замерз, что даже не заметил схватки, – руки обнимают колени, голова опущена. Он дрожал, было слышно его дыхание. Она отодвинулась, и на скорченную фигуру упал свет: коротко остриженные седые волосы, в ушах мерцает золото. Карты Олла сослужили хорошую службу, этот человек действительно из Лионида. Именно его они искали.

Катса дернула дверь. Заперто. Что ж, ничего удивительного, но ведь это и не ее проблема. Она ухнула по-совиному, низко, один раз. Потом уложила храброго стражника на спину и положила ему в рот пилюлю. Пробежав обратно по коридору, перевернула на спины остальных несчастных и положила по такой же пилюле в рот каждому из них. Когда ей уже начало казаться, что Олл и Гиддон заблудились в подземельях, они появились из-за угла и поспешили к ней.

– Четверть часа, не больше, – сказала Катса.

– Четверть часа, миледи, – гулко отозвался Олл. – Будьте осторожны.

Свет от их факелов плясал на стенах, пока они шли к темнице. Лионидец застонал и крепче обнял руками колени. Катса невольно обратила внимание на его грязную, изорванную одежду. В руках Гиддона зазвенела связка отмычек. Ей хотелось остаться и убедиться, что им удалось открыть дверь, но нужно было спешить в другое место. Она сунула сверток с пилюлями в рукав и бросилась бежать.

Стражники темницы отчитывались перед начальником стражи, а начальник стражи – перед главным тюремщиком. Главный тюремщик докладывал о делах замковой страже. Равно как и караульные, королевская стража, дозорные на стене и в саду. Как только один стражник заметит отсутствие другого, он

поднимет тревогу, и, если Катса и ее сообщники не успеют скрыться, все будет впустую. Начнется погоня, дойдет до кровопролития, кто-нибудь увидит ее глаза, и все раскроется. Так что нужно добраться до каждого стражника. Олл предположил, что их будет двадцать, а принц Раффин приготовил тридцать пилюль, просто на всякий случай.

С большинством охранников не было никаких хлопот. Если удавалось незаметно подкрасться или если они держались небольшими группами, то даже не успевали понять, что их ударило. С замковой стражей все было чуть сложнее – кабинет начальника стражи защищали пять человек. Она расправилась с ними, раздавая направо и налево удары и пинки, и начальник стражи, вскочив из-за стола, бросился в атаку.

– Я узнаю? Дар, когда его вижу. – Он сделал выпад мечом, и Катса отскочила. – Покажи-ка мне свои глаза, парень. Клянусь, я их вырежу мечом!

Ей даже доставило определенное удовольствие стукнуть его по голове рукояткой ножа. Схватив его за волосы, Катса перевернула начальника стражи на спину и положила ему на язык пилюлю. Все они, проснувшись утром с головной болью и со стыдом, расскажут, что преступником был юноша, наделенный Даром сражаться, и что он действовал в одиночку. Ее будут считать мужчиной, потому что она была в простых брюках и капюшоне и потому что, когда на людей нападают, им никогда не приходит в голову, что это может быть девушка. И ни один из них не заметил Олла или Гиддона: об этом она позаботилась.

Никто ее не заподозрит. Каким бы Даром ни обладала леди Катса, она не преступник и не шныряет ночами крадучись по темному замку. Кроме того, она должна сейчас быть в пути на восток. Ее дядюшка Ранда, король Миддландов, проводил ее не далее как сегодня утром, на глазах у всего города, в сопровождении капитана Олла и Гиддона, вассала Ранды. Она могла оказаться в замке короля Мергона, только проскакав целый день не в ту сторону.

Катса бежала по двору, мимо цветочных клумб, фонтанов и мраморных статуй Мергона. На самом деле для такого неприятного короля это был на редкость приятный двор: с запахами травы и плодородной почвы и сладким ароматом купающихся в росе цветов. Она пробежала через яблоневый сад Мергона, оставляя за собой след из усыпленных стражников. Усыпленных, а не мертвых, что важно. Олл и Гиддон, как и большинство остальных членов тайного Совета,

хотели их убить. Но когда они планировали эту миссию, Катса стала спорить, что их смерть не поможет выиграть время.

- А если они проснутся? - спросил Гиддон.

- Ты сомневаешься в моих снадобьях? - оскорбился принц Раффин. - Не проснутся.

- Было бы быстрее убить их.

В карих глазах Гиддона светилась настойчивость. В темной комнате, где проходило собрание Совета, все закивали.

- Я успею все сделать в отведенное время, - отрезала Катса, а когда Гиддон попытался возразить, подняла руку. - Довольно! Я не стану их убивать. Если хочешь их смерти, можешь послать кого-нибудь другого.

Олл улыбнулся и похлопал молодого лорда по спине:

- Подумай, лорд Гиддон, ведь так будет куда веселее. Идеальная кража, в обход всех стражников Мергона, и ни капли крови. Сработаем чисто.

Комната взорвалась от хохота, но Катса даже не улыбнулась. Нет, она не будет убивать, если без этого можно обойтись. Убийство нельзя исправить, а убила она уже достаточно - в основном для дяди. Король Ранда считал ее полезной. Когда на границах становилось беспокойно, зачем посылать армию, если можно отправить одного человека? Так гораздо экономичнее. Да, она убивала и для Совета тоже, когда это было необходимо. Но на сей раз кровопролития можно избежать.

В дальнем конце сада она встретила стражника, пожалуй такого же старого, как лионидец в подземелье. Он стоял в роще годовалых деревьев, согбенный, опершись на меч. Катса подобралась к нему сзади и остановилась. Ладони старика, лежащие на рукояти меча, дрожали.

Как можно быть высокого мнения о короле, который не отправляет своих слуг на покой, даже когда они одряхлели настолько, что не могут крепко держать меч?

Но если не тронуть его, он найдет тех, кого она усыпила, и поднимет тревогу. Катса сильно ударила стражника по затылку, и он упал с тихим вздохом. Она поймала его и опустила на землю как можно осторожнее, а потом положила в рот пилюлю. Задержавшись на мгновение, она провела пальцами по шишке, начавшей набухать у него на голове, и понадеялась, что у старика крепкий череп.

Однажды она случайно убила человека, и память об этом никогда не покидала ее. Так десять лет назад впервые проявился ее Дар. Ей едва исполнилось восемь – совсем ребенок. Двор Ранды посетил какой-то дальний родственник. Все в нем ей не нравилось: бьющий в нос запах духов, то, как он смотрел на девушек, которые ему прислуживали, как его взгляд следовал за ними по залу, как он щупал их, когда думал, что никто не видит. Когда он начал уделять внимание Катсе, она насторожилась.

– Какая хорошенькая, – сказал он. – У наделенных Даром бывают такие некрасивые глаза. Но тебе, малышка, повезло, береги их. Каков твой Дар, сладкая моя? Рассказываешь истории? Читаешь мысли? Знаю. Ты, должно быть, прекрасно танцуешь.

Катса еще не знала, в чем ее Дар, – некоторые способности проявляются позже других. Но даже если бы и знала, не стала бы обсуждать его с этим кузенком. Она насупилась и отвернулась, но, когда его ладонь скользнула по ее ноге, рука Катсы взлетела сама собой и ударила его по лицу. Ударил так быстро и сильно, что носовые кости врезались в мозг.

Придворные дамы закричали, одна упала в обморок. Когда его подняли из лужи крови на полу, он оказался мертв, и придворные, замолкнув, отступили. На нее обратились испуганные взгляды – теперь не только дам, но и воинов, вооруженных рыцарей. Можно есть блюда королевского повара, наделенного Даром готовить, или лечить лошадей у Одаренного королевского ветеринара. Но девочка с Даром убивать? Это опасно.

Другой король изгнал бы ее или казнил, даже притом что она была ребенком его сестры. Но Ранда поступил умно. Он понял, что в свое время племянница может послужить ему, – он отослал девочку в ее покои и продержал там несколько недель в наказание, но на этом все. Когда она снова стала выходить, все бежали прочь с ее пути. Никто особенно не любил ее и раньше, ибо никто не любит Одаренных, но, по крайней мере, они могли терпеть ее присутствие. Теперь не

было даже притворного дружелюбия.

– Осторожней с этой, с зелено-голубыми глазами, – шептали гостям. – Она убила своего кузена одним ударом. Только потому, что он сказал любезность о ее глазах.

Даже Ранда держался от нее подальше. Злая собака могла оказаться полезной королю, но он не хотел, чтобы она спала у него в ногах.

Принц Раффин единственный искал ее общества.

– Ты ведь больше так не будешь? Вряд ли мой отец разрешит тебе убивать, кого захочется.

– Я не собиралась его убивать, – отозвалась она.

– А что случилось?

– Мне показалось, что я в опасности, – задумалась Катса. – И я его ударила.

Принц Раффин покачал головой.

– Надо учиться управлять Даром, – сказал он. – Особенно Даром убивать. Тебе придется, или отец не разрешит нам видеться.

Об этом страшно было подумать.

– Я не знаю, как им управлять.

Раффин задумался.

– Спроси Олла. Шпионы короля знают, как делать больно, не убивая. Они так получают информацию.

Раффину было одиннадцать, на три года больше, чем Катсе, и, по ее детскому разумению, он был ужасно мудрый. Она послушала его совета и пошла к Оллу,

седеющему капитану воинов Ранды и начальнику его шпионов. Олл был неглуп: он понимал, насколько опасна эта тихая девочка с одним голубым и одним зеленым глазом. Но и воображением он обделен не был: его удивляло, что никто не допускал, что Катса могла быть столь же потрясена смертью своего родственника, как и все остальные. И чем больше он думал об этом, тем больше его интересовали ее способности.

Тренировки он начал с установления правил. Катсе запрещалось практиковаться на нем и на воинах короля. Она будет упражняться на болванах, которых ей придется сшить из мешков и наполнить зерном. А еще – на узниках, уже осужденных на смертную казнь.

Катса занималась каждый день. Вскоре она освоилась со скоростью движений и силой, узнала, чем отличается угол, положение и мощность смертельного удара от удара, призванного только ранить. Научилась обезоруживать, ломать ноги, выкручивать руки с такой силой, чтобы жертва прекратила борьбу и взмолилась о пощаде. Научилась драться мечом, ножами и кинжалами. Она была так внимательна и быстра, так изобретательна, что могла избить человека до полусмерти с руками, привязанными к телу. Таков был ее Дар.

Со временем она научилась контролировать свои силы, и ей позволили тренироваться на воинах Ранды – одновременно на восьми-десяти вооруженных до зубов мужчинах. Тренировки эти были весьма зрелищны: неуклюжие воины кряхтят и лязгают доспехами, а между ними, порхая, вихрем проносится безоружный ребенок и сшибает их с ног коленом, которое они не успевают даже заметить, пока не оказываются на полу. Иногда на ее занятия приходили посмотреть придворные. Но стоило им случайно встретиться с ней взглядом, они опускали глаза и спешили скрыться.

Король Ранда не возражал против того, чтобы Олл тратил на нее время. Он полагал, что это даже необходимо: от Катсы не будет проку, если ее нельзя контролировать.

И теперь во дворе замка короля Мергона никто не мог бы упрекнуть ее в отсутствии контроля. Она быстро и беззвучно скользила по траве вдоль усыпанных гравием дорожек. Сейчас Олл и Гиддон, должно быть, уже добрались до стены, где их лошадей стерегли двое верных Совету слуг Мергона. Она и сама почти добралась туда – на фоне темного неба уже можно было различить черную полосу стены.

Мысли Катсы разбегались, но она не витала в облаках. Чувства по-прежнему были обострены. Она слышала, как падает каждый листок в саду, как шуршит каждая ветка. Поэтому, когда из темноты появился человек и напал на нее сзади, она была поражена. Незнакомец схватил ее и приставил нож к горлу. Он попытался заговорить, но в одно мгновение Катса обрушила удар на его руку, вырвала нож и кинула его на землю, а потом схватила нападавшего и перебросила через себя.

Он приземлился на ноги.

Мысли бешено носились в голове. У него Дар сражаться, это ясно. И если только рука, обхватившая ее грудь, не была лишена осязания, он понял, что она женщина.

Он повернулся к ней. Они осторожно посмотрели друг на друга, две черные тени в ночи. И тогда он заговорил:

– Я слышал о женщине с таким Даром.

Голос у него был глубокий и хриловатый. Она уловила нотку незнакомого, нездешнего выговора. Нужно было выяснить, кто он, чтобы понять, что с ним делать.

– Но мне непонятно, что эта дама может делать так далеко от дома, ночью, в замке короля Мергона, – продолжил он и, слегка подвинувшись, преградил Катсе путь к стене.

Он был выше ее, ступал ловко и мягко, как кошка. Поразительно спокойный, но готовый к прыжку. В свете мерцающего невдалеке факела блеснули золотые кольца в его ушах – именно они и безбородое лицо выдавали в нем лионидца.

Она отступила и чуть повернулась, как и он, готовая к броску. Времени на раздумья не было. Он узнал ее. Но если он и вправду был лионидцем, убивать его она не хотела.

– Не хотите ли вы что-нибудь сказать, миледи? Неужели вы думаете, что я позволю вам уйти без объяснения?

В его голосе звучала лукавая нотка. Катса спокойно наблюдала. Мягкое движение рук – и ее глаза уловили блеск золотых колец. Этого было довольно. Кольца в ушах, перстни, певучий акцент – все говорило об одном.

– Вы из Лионида, – сказала она.

– Хорошее зрение, – отозвался он.

– Не настолько хорошее, чтобы увидеть цвет ваших глаз.

– А мне, думаю, известен цвет ваших, – засмеялся он.

Здравый смысл приказывал ей убить его.

– Кто бы говорил о дальних путешествиях, – заметила она. – Что лионидец делает в замке короля Мергона?

– Я объясню, зачем я здесь, если вы тоже объясните.

– Я не собираюсь ничего объяснять, и вам придется меня пропустить.

– Придется?

– Если не пропустите по своей воле, я смогу заставить.

– Думаете, вам удастся?

Она рванулась вправо, он легко увернулся. Она совершила более быстрое движение. Он снова с легкостью ушел. Он был ловок. Но недостаточно ловок для Катсы.

– Я знаю точно, – ответила она.

– Вот как? – весело сказал он. – Но все же придется повозиться.

Зачем он играл с ней? Почему не поднял тревогу? Может быть, он сам преступник, наделенный Даром преступник? И если да, то кем это его делает – союзником или врагом? Разве лионидец станет мешать освобождению соотечественника? Нет, если только он не предатель. И если он вообще знает, кто томится в темницах Мергона, ведь Мергон держал это в глубокой тайне.

Совет приказал бы ей убить его. Совет заявил бы, что она подвергнет их опасности, если оставит в живых человека, который ее узнал. Но он был не похож ни на кого из бандитов, встречавшихся на ее пути. Он не казался ни жестоким, ни глупым, ни опасным.

Нет смысла, спасая одного лионидца, убивать другого.

Это глупо, и, наверное, придется еще пожалеть об этом, но убивать она не станет.

– Я вам верю, – внезапно сказал незнакомец.

Отступив с дороги, он жестом разрешил ей пройти. Катсе подумалось, что он очень странный и импульсивный, но она видела – он ослабил оборону, и нельзя было упускать возможность. В одно мгновение она вскинула ногу и ударила его в лоб. Широко раскрыв глаза от удивления, он упал на землю.

– Может, и не обязательно было это делать. – Она осторожно уложила тяжелое безвольное тело. – Но я не знаю, кто вы такой. Оставить вас в живых и так уже было слишком рискованно.

Она вынула из рукава пилюли и положила одну незнакомцу в рот, потом повернула его лицо к свету. Он оказался моложе, чем она думала, – не старше девятнадцати или двадцати. Со лба к уху бежала тонкая струйка крови. Ворот рубашки был расстегнут, и свет факелов плясал на обнаженной ключице.

Очень странный персонаж. Может быть, Раффин знает, кто это.

Она встряхнулась. Ее ждут.

Бегом.

Они скакали во весь опор. Старика пришлось привязать к лошади – он был слишком слаб, чтобы держаться в седле. Остановились лишь однажды, чтобы получше укутать его в одеяла.

Катсе не терпелось двигаться дальше.

– Он не в курсе, что сейчас лето?

– Он насквозь промерз, миледи, – ответил Олл. – Он болен, его трясет. Какой будет прок, если мы убьем его, спасая?

Они думали остановиться и разжечь огонь, но не было времени. Нужно было добраться до Рандиона до рассвета, иначе их обнаружат.

«Быть может, нужно было его убить, – думала она, пока они мчались сквозь темную стену леса. – Наверное, нужно было его убить. Он ведь меня узнал».

Но он не казался опасным, не казался подозрительным. Только любопытным. И доверился ей.

Хотя он ведь не знал о всех тех усыпленных охранниках, что она оставляла на пути за собой. И, проснувшись с раной на лбу, он быстро перестанет ей доверять.

Если незнакомец сообщит об этой встрече королю Мергону, а тот – королю Ранде, то жизнь леди Катсы может очень осложниться. Ранде ничего не говорили об узнике из Лионида и тем более о том, что Катса подрабатывала спасателем.

Катса прогнала панику. Проку в этих размышлениях нет, дело уже сделано. Теперь нужно доставить несчастного старика в теплое и безопасное место – на север, к Раффину. Она пригнулась в седле и пришпорила коня.

Глава вторая

Это случилось в землях семи королевств. Семи королевств и семи совершенно непредсказуемых королей. Зачем, во имя всего разумного, кому-то похищать принца Тилиффа, отца лионидского короля? Он старик. У него нет ни власти, ни честолюбия, здоровья – и того нет. Как говорили, он целыми днями сидел у очага или на солнышке, смотрел на море, играл с праправнуками и никому не доставлял хлопот.

У лионидцев не было врагов. Они поставляли золото всем, у кого было чем заплатить, выращивали фрукты и разводили живность. Отделенные океаном от остальных шести королевств, они жили мирно, сами по себе. Их сложно было с кем-то спутать: они отличались темными волосами, экзотическими обычаями и любовью к своему одиночеству. Рор, король Лионида, был самым разумным из семи правителей. Он не заключал союзов, но и войн не затевал и народом своим правил справедливо.

Хотя шпионская сеть Совета выяснила, что отец Рора заточен в темницы Мергона, короля Сандера, это не приблизило их к разгадке тайны. Сам Мергон обычно не затевал ссор между королевствами, но часто вставал на одну из сторон и за хорошие деньги помогал даже неправому. Без сомнения, за заточение лионидца ему заплатили. Вопрос был лишь в том, кто это сделал.

В этом конкретном злодеянии Ранда, дядя Катсы и король Миддландов, замешан точно не был. Совет знал это наверняка, ведь Олл был главным шпионом Ранды и его правой рукой. Благодаря Оллу Совету было известно все, что только можно было знать о Ранде.

По правде говоря, Ранда обычно старался не связываться с другими королевствами. Его земли с востока и запада окружали Истилл и Вестер, а с севера и юга – Нандер и Сандер. В таком положении слишком опасно было вступать в военные союзы.

Источником большинства проблем были короли Вестера, Нандера и Истилла. Они были из одного теста – сорвиголовы, властолюбцы, завистники, все как один безрассудны, бессердечны и ненадежны. Король Бирн из Вестера и король Драуден из Нандера могли бы объединиться в альянс и разбить войско Истилла на северной границе, но у Вестера и Нандера никогда не получалось долго сотрудничать. Рано или поздно одни обязательно чем-то оскорбляли других и снова становились врагами, и тогда Нандер, заключив союз с Истиллом, напал бы на Вестер.

К своему собственному народу короли относились не лучше, чем друг к другу. Катса вспомнила, как несколько недель назад они с Оллом вытаскивали из хлева, временно ставшего тюрьмой, истиллских земледельцев. Земледельцев, которые не смогли выплатить своему королю Тигпену десятину, потому что войско этого самого Тигпена вытоптало их поля, когда отправилось грабить нандерскую деревню. Платить должен был Тигпен – даже Ранда признал бы это, если бы его собственное войско нанесло такой убыток крестьянам. Тигпен же намеревался повесить несчастных за неуплату десятины. Да, из-за Бирна, Драудена и Тигпена дел у Совета хватало.

Когда-то все было по-другому. Вестер, Нандер, Истилл, Сандер и Миддланды – пять материковых королевств – мирно сосуществовали. Несколько столетий назад все они были одной семьей, и правили в них три брата и две сестры, которым удалось утолить жажду власти, не прибегая к войне. Но все воспоминания о прежнем кровном родстве уже давно стерлись, и теперь жители королевств полностью зависели от природы того, кто сумел пробиться к трону. Это была лотерея, и нынешнее поколение, увы, вытянуло несчастливый билет.

Седьмое королевство называлось Монси. От остальных земель Монси отделяли горы, как Лионид отделял океан. Лек, король Монси, был женат на Ашен, сестре лионидского короля Рора. Лека и Рора связывала нелюбовь к междоусобицам остальных королевств. Однако союза они не заключали, слишком уж далеки друг от друга были Монси и Лионид, слишком независимы, слишком не заинтересованы в делах других королевств.

О том, что творится при монсийском дворе, известно было не так много. Короля Лека очень любили в народе и превозносили за доброту к детям, животным и всем беззащитным созданиям. Королева Монси была женщиной кроткой. Шла молва, что она перестала есть в тот день, когда услышала об исчезновении лионидского принца. Ведь отец короля Лионида был, конечно же, и ее отцом.

Определенно лионидца похитили по приказу из Вестера, Нандера или Истилла. Катсе не приходило в голову иного варианта, если только сам Лионид не был замешан в это дело. Предположение могло бы показаться смехотворным, если бы не этот лионидец в замке Мергона. Украшения у него были роскошные: он определенно принадлежал к знати, а дружеский визит из Лионида к Мергону теперь вызывал подозрение.

Но Катса не могла поверить, что он причастен к преступлению. Это чувство невозможно было объяснить, но и побороть его не получалось.

Почему же был похищен Тилифф? Какую такую важность он может иметь?

Они успели въехать в Рандион до рассвета, но едва-едва. Когда копыта лошадей застучали по камням городских дорог, они замедлили темп: кое-кто в городе уже проснулся и нельзя было нестись по узким улицам, нельзя было обращать на себя внимание.

Лошади везли их мимо деревянных хижин и домов, серых каменных заводов, магазинов с закрытыми ставнями. Здания были все как на подбор аккуратные, большинство сияло свежей краской. В Рандионе не было места ничему убогому. Ранда терпеть не мог нищеты.

Когда улицы пошли вверх в гору, Катса спешила. Она отдала поводья Гиддону и взяла под уздцы лошадь Тилиффа. Ведя за собой коня Катсы, Гиддон и Олл свернули и отправились вниз по улице, идущей на восток, к лесу. Так было условлено. Едва ли кого-нибудь обеспокоят бредущие к замку старик на коне и мальчишка рядом с ним, чего нельзя сказать о четырех лошадях и четырех всадниках. Олл и Гиддон должны покинуть город и ждать ее в лесу, а Катсе нужно доставить Тилиффа к принцу Раффину через дверь, расположенную высоко в заброшенной части крепостной стены. Олл тщательно следил за тем, чтобы Ранде не стало известно о существовании этого хода.

Катса сильнее натянула одеяло на голову старика. Было еще довольно темно, но раз она видела кольца у него в ушах, то их могли увидеть и другие. Он лежал на лошади, свернувшись в комок, во сне или в беспомощности – этого она не знала. Если он был без сознания, то тяжело представить, как они одолеют последний отрезок пути – подъем на крепостную стену по полуразрушенной лестнице, где лошадь пройти никак не сможет. Она коснулась его лица. Старик дернулся и снова задрожал.

– Вы должны проснуться, мой принц, – произнесла она. – Я не донесу вас в замок по лестнице.

Открывшись, глаза лионидца поймали и отразили серый предутренний свет. Голос его дрожал от холода:

- Где я?

- В Рандионе, столице Миддландов, - ответила она. - Мы почти в безопасности.

- Не думал, что Ранда посылает своих людей спасать пленников.

- Он и не посылал. - Катса удивилась, насколько ясен его ум.

- Хм... Что ж, я в сознании. Вам не придется меня нести. Ведь вы - леди Катса?

- Да, мой принц.

- Я слышал, один глаз у вас изумрудный, словно луга Миддландов, а другой голубой, словно небо по весне.

- Это правда, мой принц.

- А еще я слышал, что вы можете убить воина одним ногтем своего мизинца.

- Это тоже правда, мой принц, - улыбнулась Катса.

- От этого легче?

Она покосилась на скорченную фигуру в седле:

- Не понимаю вас.

- От того, что глаза у вас прекрасны. Вам легче нести бремя своего Дара, зная, что ваши глаза прекрасны?

Катса рассмеялась:

– Нет, мой принц. Я бы с удовольствием обошлась и без того, и без другого.

– Полагаю, я должен вас поблагодарить, – сказал он и умолк.

Ей хотелось спросить: за что? От чего мы вас спасли? Но он был болен и изможден и, казалось, снова заснул. Ей не хотелось его утомлять, ей нравился этот старик-лионидец. Мало кто отваживался заговорить с ней о ее Даре.

Они поднимались мимо скрытых в тени крыш и дверных проемов. Бессонная ночь уже давала знать о себе, а впереди еще много часов без отдыха. Катса повторила про себя слова лионидца. У него был точно такой же выговор, как у незнакомца, которого она встретила в замке.

В конце концов ей все же пришлось нести старика, потому что, когда пришло время, она не сумела его разбудить. Отдав поводья сидевшей у стены девочке, дочери союзника Совета, Катса закинула старика на плечо и, шатаясь, шаг за шагом начала карабкаться по обломкам разрушенной лестницы. Последняя часть ее располагалась почти вертикально. Только страх перед светлеющим небом заставлял Катсу идти дальше – никогда она не думала, что человек, который выглядел так, словно состоит из одной пыли, может быть таким тяжелым. Ей не хватило дыхания, чтобы тихо свистнуть, подавая сигнал Раффину, но это было не важно – ее услышали и так.

– Наверное, весь город слышал, как ты идешь, – прошептал он. – Честно говоря, Кати, я не ожидал, что ты способна производить такой адский шум.

Нагнувшись, он переложил ее ношу на свои худые плечи. Она прислонилась к стене и попыталась отдышаться.

– Мой Дар не дает мне титанической силы, – ответила она. – Вы, обычные люди, ничего не понимаете. Думаете, если есть один Дар, то все остальное тоже возможно.

– Я пробовал твои пироги и видел твои вышивки. Я прекрасно представляю, сколько Даров тебя благополучно миновало. – Его смех зазвенел в сизом свете утра, и Катса улыбнулась в ответ. – Все прошло по плану?

Она вспомнила о незнакомце:

- Да, в основном.

- Тогда поторопись, - посоветовал он. - И береги себя. О нем я позабочусь.

Повернувшись, Раффин с живой ношей на плечах скрылся в дверном проеме. Катса бросилась вниз по разбитым ступеням и проскользнула на тропинку, ведущую на восток. Низко натянув капюшон, она побежала навстречу розовеющему небу.

Глава третья

Катса бежала мимо домов и барачков, лавок и трактиров. Город просыпался, на улицах пахло свежим хлебом. По пути ей попался сонный молочник на телеге, запряженной усталой лошадей.

Без своей ноши Катса чувствовала себя легкой как перышко, к тому же дорога шла вниз. Быстро и бесшумно она бежала по направлению к восточным полям. В одном из дворов женщина несла на коромысле ведра, полные воды.

Добежав до деревьев, Катса сбавила скорость. Приходилось двигаться осторожно, чтобы не ломать веток и не оставлять отпечатков сапог на пути к месту их встреч. Но дорога уже была заметно протоптана: Олл, Гиддон и другие члены Совета никогда не заботились об осторожности и, конечно, лошади не могли не оставлять следов. Скоро им понадобится новое место для встреч.

К тому времени как она добралась до зарослей, в которых они устроили себе укрытие, было уже светло. Лошади щипали траву. Гиддон лежал на земле, а Олл прислонился к куче седельных сумок: оба они спали. Катса подавила раздражение и подошла к лошадям. Поздоровавшись с животными, она стала поднимать им копыта одно за другим, чтобы проверить, нет ли там трещин или камней. Они хорошо поработали, и им, по крайней мере, хватило здравого смысла не засыпать в лесу, так близко от города и так далеко от места, куда им приказал ехать Ранда. Ее конь фыркнул, и за спиной заворочался Олл.

– А если бы кто-то обнаружил, как вы спите на опушке леса, когда должны быть на полпути к восточной границе? – спросила она, не отворачиваясь от седла, и потрепала лошадь по холке. – Как бы вы это объясняли?

– Я не собирался засыпать, миледи, – ответил Олл.

– Это не оправдание.

– Мы не так выносливы, как вы, миледи, особенно те из нас, у кого уже седина в волосах. Ну же, беды ведь не случилось. – Он потряс за плечо Гиддона, который в ответ только закрыл глаза руками. – Просыпайтесь, милорд. Нам нужно двигаться.

Катса ничего не сказала. Она молча повесила сумки на седло и ждала, стоя рядом с лошадью. Олл принес остальные сумки и закрепил на седлах.

– Принц Тилифф в безопасности, миледи?

– В безопасности.

Почесывая русую бороду, к ним тяжело подошел Гиддон. Он достал буханку хлеба и протянул его Катсе, но та покачала головой.

– Поем позже, – сказала она.

Гиддон отломил кусок и протянул хлеб Оллу.

– Ты сердисься, что мы не упражнялись в силе, когда ты приехала, Катса? Нам следовало заниматься гимнастикой на верхушках деревьев?

– Вас могли поймать, Гиддон. Могли увидеть, и что бы с вами стало?

– Ты бы придумала что-нибудь, – ответил Гиддон. – Спасла бы нас, как всех вокруг спасаешь, – улыбнулся он, и его теплые живые глаза блеснули на красивом смелом лице, но смилостивить Катсу им не удалось. Гиддон был даже моложе Раффина, отличный наездник, и сил ему было не занимать. То, что он заснул, непростительно.

– Едем, милорд, – примирительно сказал Олл. – Поедим в седле. Иначе миледи уедет без нас.

Катса понимала, что они ее дразнят, считают слишком придирчивой. Но еще она знала, что никогда не позволила бы себе спать, если это небезопасно.

Хотя, с другой стороны, они никогда не позволили бы Одаренному лионидцу остаться в живых. Узнай они, бури не миновать, а у нее не было даже разумного объяснения тому, что она сделала.

Добравшись до лесной тропы, идущей параллельно главной дороге, всадники направились на восток, низко натянув капюшоны и пришпорив лошадей. Через несколько минут дружный стук копыт приглушил раздражение Катсы. В пути ей всегда быстро удавалось развеяться.

Леса южных Миддландов уступили место холмам, сначала пологим, но по мере приближения к Истиллу все более крутым. Они остановились только однажды, в полдень, чтобы сменить лошадей на уединенном постоялом дворе, который предложил Совету свою помощь.

Свежие лошади скакали во весь опор, и к вечеру всадники были уже на границе Истилла. Выехав рано утром, они смогут добраться до нужной им истиллской усадьбы в первой половине дня, выполнить поручение Ранды и отправиться домой. Даже без особой спешки они вернутся в Рандион к ночи следующего дня, когда их и ожидают. И тогда Катса выяснит, смог ли принц Раффин что-нибудь узнать от лионидца.

Они разбили лагерь у огромного обломка скалы, торчащего у подножия одного из восточных холмов. Ночь обещала быть прохладной, но они отказались от идеи разжечь огонь: в холмах на истиллской границе таились опасности и, хотя двое вооруженных мужчин и Катса не боялись нападения, не стоило напрашиваться на неприятности. Поужинав хлебом и сыром и запив их водой из фляжек, путники завернулись в дорожные одеяла.

– Я буду спать как убитый, – заявил Гиддон, зевая. – Повезло, что хозяева того трактира оказались друзьями Совета, не то мы свели бы своих лошадей в

могилу.

– Меня удивляет, что столько людей присягнули на верность Совету, – задумчиво произнес Олл.

– Ты думала, что так будет, Катса? – Гиддон лег, опершись на локоть. – Ты ожидала, что Совет так разрастется?

Чего она ожидала, когда основала Совет? Ей представлялось, как она в одиночку пробирается по коридорам, прячется за углами – неуловимый борец против безрассудства королей.

– Я даже не ожидала, что в него войдет кто-то, кроме меня самой.

– А теперь у нас есть друзья почти в каждом королевстве, – добавил Гиддон. – Люди приглашают нас к себе в дома. Вы слышали, как один из нандерских рыцарей пустил за стены своей крепости целую деревню, когда Совет узнал о готовящемся набеге из Вестера? Деревню сровняли с землей, но никто не погиб. – Он улегся и снова широко зевнул. – Сердце радуется. Все-таки не зря Совет существует.

Катса лежала на спине и слушала ровное дыхание спутников. Лошади тоже спали. Спали все, кроме Катсы: два дня езды верхом и бессонная ночь между ними – и все же она бодрствовала. Смотрела, как облака плывут по небу, заслоняют звезды и снова их открывают. Легкий ночной ветерок шелестел травой на холме.

В приграничной деревне неподалеку отсюда она впервые лишила человека жизни по приказу короля. Один из вассалов Ранды был объявлен шпионом истиллского короля Тигпена. Его обвинили в измене и приговорили к смертной казни. Осужденный бежал к истиллской границе.

Катсе в то время было всего десять лет. Ранда пришел на одну из тренировок и посмотрел на нее с недоброй улыбкой.

– Готова ли ты с пользой применить свой Дар, дитя мое? – крикнул он ей.

Катса забыла о прыжках и ударах и замерла, пораженная тем, что ее Дар может приносить пользу.

– Хм... – ухмыльнулся Ранда в ответ на ее молчание. – Кажется, быстро у тебя работают только ноги. Слушай внимательно, дитя мое. Я приказываю тебе отправиться за предателем. Ты убьешь его прилюдно, голыми руками, без оружия. Только его одного. Без сомнения, все мы надеемся, что ты уже научилась сдерживать свою жажду крови.

Катса внезапно съежилась, но даже если бы ей было что сказать, такую малышку никто бы не стал слушать. Она поняла приказ. Король запретил ей пользоваться оружием, потому что не хотел для предателя быстрой смерти, – Ранда ожидал мучений, кровавого зрелища и ждал, что она ему это обеспечит.

Катса отправилась в путь в сопровождении Олла и воинов Ранды. Поймав беглеца, воины потащили его на главную площадь ближайшей деревни, где кучка испуганных людей, раскрыв рты, наблюдала за происходящим. Катса приказала поставить осужденного на колени и одним движением сломала ему шею. Не пролилось ни капли крови – лишь мгновение несчастный чувствовал боль. Большинство зевак даже не поняли, что случилось.

Когда Ранда услышал, что она сделала, он разгневался настолько, что вызвал ее в тронный зал. Он смотрел на нее сверху вниз с высокого трона, в голубых глазах светилась жестокость, улыбка больше походила на звериный оскал.

– Какой прок от публичной казни, – сказал он, – если публика даже не замечает смерти преступника? В следующий раз, отдавая приказ, я постараюсь учитывать твою умственную неполноценность.

После этого приказы стали включать детали: кровь и боль в течение такого-то времени. Его никак нельзя было ослушаться. Чем чаще Катса выполняла такие поручения, тем лучше у нее это получалось, и в итоге Ранда получил то, чего хотел, – слава о ней разнеслась со скоростью лесного пожара. Каждый знал, что будет, если перейдешь дорогу Ранде, королю Миддландов.

Через какое-то время Катса перестала думать о возможности неповиновения. Это было слишком тяжело себе представить.

Во время многочисленных путешествий по поручениям короля Олл рассказывал ей, что? шпионы Ранды узнавали в других королевствах. Рассказывал о девушках, которые исчезли из истиллской деревни и через несколько недель были обнаружены в вестерском борделе. О человеке, которого держали в нандерских темницах за воровство брата, потому что брат его умер, а наказать кого-то нужно было. О налоге, которым король Вестера решил обложить деревни Истилла, – налоге, который воины Вестера собирали, убивая истиллцев и опустошая их карманы.

Обо всем этом шпионы докладывали своему королю, и все это Ранда пропускал мимо ушей. Но что это – миддландец утаил бо?льшую часть урожая, чтобы заплатить меньше налогов? Вот тревожная весть, вот важная для Миддландов проблема. И Ранда посылал Катсу раскрыть виновнику череп.

Катса не могла бы сказать, откуда появилась эта мысль, но однажды она засела у нее в голове и отказалась ее покидать. Что можно было бы сделать... если действовать по собственной воле и вне владений Ранды? Об этом она думала, чтобы отвлечься, когда по приказу Ранды ломала пальцы и выдергивала руки из суставов. И чем дольше она обдумывала такую возможность, тем более необходимой она ей представлялась, и под конец Катсе уже казалось, что она вспыхнет и сгорит от бессилия, если ничего не предпримет.

На шестнадцатом году жизни она открыла свой замысел Раффину.

– Может сработать, – сказал он. – Я тебе, конечно, помогу.

Потом она пошла к Оллу. Он был настроен скептически, даже испугался, поскольку привык докладывать обо всем королю и уже Ранда решал, какие действия предпринять. Но в конце концов Олл понял, что она имеет в виду, постепенно, когда убедился, что Катса полна решимости начать с ним или без него, и доказал себе, что королю не обязательно знать о каждом шаге своего главного шпиона.

На самом первом своем задании Катса перехватила небольшую шайку мародеров, которых король Истилла послал грабить собственных подданных, и заставила их сломя голову бежать в горы. Это был самый счастливый момент и самый своевольный поступок в ее жизни.

Дальше Катса с Олло спасли нескольких вестерских мальчиков, которых силой держали на нандерском железном руднике. После одной-двух таких вылазок слухи об их подвигах начали просачиваться в нужные каналы. К делу присоединился кое-кто из шпионов Олла, пара-тройка рыцарей Ранды, в том числе Гиддон, а также Бертол, жена Олла, и другие женщины замка. В дальних уединенных покоях они регулярно проводили собрания, на которых царила атмосфера приключений и опасной свободы. Иногда Катсе казалось, что это все игра, настолько захватывающая выдумка, что не может быть реальностью. Но все происходило наяву. Они не просто обсуждали диверсии – они планировали и устраивали их.

Со временем Совет, естественно, привлек союзников из-за стен замка – к ним присоединялись те из вассалов Ранды, кто был добродетелен и устал бездействовать, пока разорялись соседние деревни, и вассалы других королей вместе со своими шпионами. А потом, мало-помалу, и народ: трактирщики, кузнецы, крестьяне. Все устали от королевских безумств, все были готовы чем-то рискнуть ради того, чтобы смягчить гнет их властолюбия, разлад и беззаконие.

Этой ночью на границе Истилла Катса смотрела в небо, лежа без сна, и думала о том, как быстро и широко разросся Совет – словно виноградная лоза в виноградниках Ранды.

Он уже давно вышел из-под ее контроля. Именем Совета спасали людей там, где она никогда не была, без ее участия, и положение становилось все опаснее. Одно неосторожное слово, сказанное ребенком трактирщика, одна несчастливая встреча на другом конце мира двух людей, которых она никогда не видела, и все пойдет прахом. Ее вылазкам придет конец – Ранда за этим проследит. И она снова станет всего лишь королевским палачом.

Не стоило доверять этому странному лионидцу.

Катса скрестила руки на груди и вгляделась в звездное небо. Ей хотелось сесть на лошадь и скакать кругами вокруг холмов – это успокоило бы ее, вымотало. Но так лошадь тоже устанет, к тому же Олла и Гиддона нельзя оставлять одних. И вообще, так делать не принято. Это ненормально.

Она фыркнула и прислушалась, чтобы убедиться, что никто не проснулся. Нормально, ненормально... Она уж точно нормальной не была. Девушка с Даром

убивать, королевский палач? Девушка, бегающая от женихов, которых ей навязывал Ранда, – весьма красивых и внимательных мужчин. Девушка, которую охватывала паника, стоило ей представить, как ребенок сосет молоко из ее груди или цепляется за щиколотки.

Она точно была ненормальной.

Если Совет раскроет, она убежит туда, где ее не найдут. В Лионид или в Монси. Будет жить в пещере, в лесу. Убьет любого, кто обнаружит и узнает ее.

Никогда не согласится она ослабить или передать кому-то контроль над своей жизнью.

Нужно спать.

«Спи, Катса, – сказала она себе. – Ты должна спать, чтобы сохранить силы».

Внезапно на нее навалилась усталость, и она уснула.

Глава четвертая

Утром всадники облачились в одежды, соответствующие их положению: Гиддон надел дорожный костюм, подобающий миддландскому лорду, а Олл – капитанский мундир. Катса выбрала синюю тунику, отделанную по краям оранжевым шелком под цвет королевского дома Ранды, и такие же брюки. Это была ее униформа для поездок по поручениям Ранды, наряд, который тот разрешил ей носить только потому, что на Катсе любое платье после часа верховой езды превращалось в лохмотья. Ранде не хотелось, чтобы его Одаренный палач карал непокорных в рваных грязных юбках. Это нехорошо.

Их целью в Истилле был один приграничный феодал, покупавший лес в южных Миддландах: он заплатил оговоренную цену, но срубил больше деревьев, чем было разрешено. Ранда желал не только получить плату за лишние деревья, но и наказать лорда за изменение договора без его согласия.

– Я вас обоих предупреждаю... – начал Олл, когда они собрались в путь. – У этого человека есть дочь, наделенная Даром читать мысли.

– Какое отношение это имеет к нам? – спросила Катса. – Разве она не при дворе Тигпена?

– Король Тигпен отослал ее домой, к отцу.

Катса резко затянула ремни седельной сумки.

– Катса, ты хочешь, чтобы лошадь упала, – вмешался Гиддон, – или просто сумку пытаешься порвать?

Катса нахмурилась:

– Мне никто не говорил, что нам придется иметь дело с ясновидящей.

– Я говорю это вам сейчас, миледи, – сказал Олл, – но причин для беспокойства нет. Она всего лишь ребенок. Чаще всего несет чепуху.

– А что с ней не так?

– Именно то, что чаще всего она несет чепуху – глупости и бессмыслицу, говорит все, что видит. Она не в себе. Тигпена это раздражало, поэтому он отослал ее домой, миледи, и приказал отцу вернуть девочку, когда она сможет приносить пользу.

В Истилле, как и почти во всех остальных королевствах, наделенные Даром по закону считались собственностью короля. Младенцев с разными глазами через несколько недель, месяцев, в крайнем случае лет забирали ко двору короля и растили в замковых яслях. Если Дар оказывался полезен королю, дитя оставалось у него на службе. Если нет, его отправляли домой. Конечно же, с извинениями, потому что семье трудно было найти дело такому ребенку. Особенно если Дар у него был бесполезный – например, лазить по деревьям, надолго задерживать дыхание или говорить задом наперед. В семье крестьянина, работая в поле в полном одиночестве, он мог жить неплохо. Но если такого ребенка отсылали домой в семью трактирщика или лавочника в

городе, где было больше одного трактира или лавки, дело приходило в упадок. Каков был его Дар, не имело значения. Люди обходили стороной любое место, где была опасность встретить человека с разными глазами.

– Тигпен – глупец, раз отослал от себя ясновидящую, – заявил Гиддон. – И только потому, что девочка еще не научилась быть полезной. Это слишком опасно. Что, если она попадет под чужое влияние?

Конечно, Гиддон был прав. Как бы там ни было, ясновидящие почти всегда были ценным приобретением для короля, но Катса все равно не могла понять, как можно добровольно приближать их к себе. Даром обладали и главный повар Ранды, и его стремной, и винодел, и один из придворных танцмейстеров. У него был жонглер, который мог держать в воздухе любое количество предметов, ни разу не уронив, несколько воинов, не соперники Катсе, но наделенные Даром сражаться на мечах. Один из слуг мог предсказывать, каким будет урожай в следующем году, а единственная во всех семи королевствах женщина в казначействе щелкала числа как орехи.

Еще был человек, который мог чувствовать настроение другого, лишь прикоснувшись к нему. Он был единственным из Одаренных придворных, к кому Катса чувствовала неприязнь, и единственным, если не считать самого Ранды, кого она изо всех сил старалась избегать.

– Глупые выходки Тигпена уже давно никого не удивляют, милорд, – заметил Олл.

– Как она читает мысли? – спросила Катса.

– Никто не знает, миледи. Ее Дар еще не оформился. Вы ведь понимаете, что такое эти ясновидящие, – Дар у них постоянно меняется, его трудно точно определить. Они взрослеют раньше, чем Дар раскрывается в полную силу. Кажется, эта девочка читает желания. Чувствует, чего хотят окружающие.

– Значит, она почувствует, что я с ней сделаю, если она хотя бы посмеет взглянуть в мою сторону, – проговорила Катса тихо, склонившись к гриве лошади. Эти слова не для ушей ее спутников, иначе над ней начнут подшучивать. – Еще какие-нибудь полезные сведения об этом человеке? – спросила она громко, поставив ногу в стремя. – Не охраняет ли его сотня

Одаренных воинов? Или, может, ученый медведь? Ты ничего больше не забыл упомянуть?

- Не нужно сарказма, миледи, - сказал Олл.

- Твое общество сегодня утром приятно как никогда, Катса, - подколот Гиддон.

Катса пришпорила коня. Ей не хотелось видеть смеющееся лицо юного лорда.

Нужное поместье пряталось за серыми каменными стенами на вершине поросшего высокой травой холма. Человек, который открыл им ворота и взял коней, сказал, что его господин принимает утреннюю трапезу. Катса, Гиддон и Олл направились прямо в большой зал, не дожидаясь сопровождения.

Вход в трапезную им попытался преградить придворный, но стоило ему увидеть Катсу, как он, спешно откашлявшись, тут же открыл парадные двери.

- Посланники короля Ранды, милорд! - объявил он и, не дожидаясь ответа господина, проскользнул за их спинами и убежал.

Его господин сидел у стола, уставленного блюдами со свининой, яйцами, хлебом, фруктами и сыром. Рядом стоял слуга: оба подняли глаза навстречу вошедшим и замерли, увидев их. Ложка выскользнула из руки господина и со звоном упала на стол.

- Доброе утро, милорд! - начал Гиддон. - Просим простить нас за то, что прервали ваш завтрак. Знаете ли вы, почему мы здесь?

Казалось, лорд с трудом нашел силы заговорить.

- Не имею ни малейшего представления, - ответил он, непроизвольно схватившись рукой за горло.

- Вот как? Может быть, леди Катса поможет вам вспомнить, - сказал Гиддон. - Миледи?

Катса сделала шаг вперед.

- Хорошо, хорошо... - Он встал, толкнув ногами стол и опрокинув кубок.

Он был высок и широкоплеч, даже выше Гиддона и Олла. Неловко пряча руки, обвел комнату взглядом, избегая смотреть на Катсу. К бороде его пристали яичные крошки. Такой могучий человек, но так глуп и напуган. Катса не позволяла своему лицу выдать ни тени эмоции, чтобы никто не понял, как все это ей ненавистно.

- А, так вы вспомнили, - сказал Гиддон, - не так ли? Вспомнили, зачем мы здесь?

- Полагаю, я вам должен, - ответил лорд. - Видимо, вы приехали забрать долг.

- Прекрасно! - Гиддон словно разговаривал с ребенком. - А почему вы оказались нам должны? На сколько акров был уговор? Напомните мне, капитан.

- На двадцать, милорд, - подсказал Олл.

- А сколько акров было срублено, капитан?

- Двадцать три, милорд, - сказал Олл.

- Двадцать три акра! - воскликнул Гиддон. - Разница немаленькая, не правда ли?

- Это ужасное недоразумение... - Лорд мучительно попытался улыбнуться. - Мы не предполагали, что нам понадобится так много. Конечно, я сейчас же с вами расплачусь, только назовите цену.

- Вы причинили королю Ранде немало неудобств, - начал Гиддон. - Вы уничтожили три акра леса, а ведь королевские леса не безграничны.

- Конечно, конечно. Ужасное недоразумение.

– К тому же мы были вынуждены провести в пути несколько дней, чтобы решить этот вопрос, – продолжал Гиддон. – Наше отсутствие при дворе весьма расстраивает короля.

– Конечно... – повторял лорд. – Конечно...

– Думаю, если вы удвоите то, что уже заплатили, это в какой-то мере искупит неудобства, причиненные его величеству.

Лорд нервно облизал губы:

– Удвоить плату. Да. Кажется, это вполне разумно.

– Вот и прекрасно, – улыбнулся Гиддон. – Не мог бы ваш слуга указать нам путь к сокровищнице?

– Конечно. – Лорд жестом поторопил стоящего рядом слугу. – Иди, да поживее!

– Леди Катса, – добавил Гиддон, вместе с Оллом направляясь к выходу, – почему бы вам не остаться здесь и не составить компанию милорду?

В сопровождении слуги они вышли из зала, и высокие двери захлопнулись за ними. Катса и хозяин остались одни.

Она пристально посмотрела на него. Лорд побледнел и часто задышал, стараясь не смотреть на нее. Вид у него был такой, словно он вот-вот лишится чувств.

– Сядьте! – приказала Катса. Он упал в кресло и тихо застонал. – Смотрите на меня, – добавила она.

Его взгляд скользнул по ее лицу и остановился на руках. Жертвы Ранды всегда смотрели на ее руки, на лицо – никогда. Не могли выдержать взгляда. К тому же удара они ожидали от рук.

Катса вздохнула.

Он открыл рот, чтобы заговорить, но из его горла вырвался лишь хрип.

– Я не слышу, – сказала Катса.

Он откашлялся.

– У меня семья. Мне нужно о ней заботиться. Делайте что пожелаете, но, прошу, не убивайте меня.

– Вы просите не убивать вас ради семьи?

– И ради себя самого. – В бороду скатилась одинокая слеза. – Я не хочу умирать!

Конечно, кто захочет умирать за три акра леса?

– Я не убиваю тех, кто украл у короля три акра леса, – сказала она, – а потом щедро заплатил за них золотом. За такое преступление, скорее, ломают руку или отрезают палец.

Она двинулась к нему, вынимая кинжал из ножен. Он тяжело дышал, не отрывая взгляда от яиц и фруктов на блюде. Интересно, его стошнит или, может, он начнет рыдать? Но внезапно лорд отодвинул от себя блюдо, опрокинутый кубок и серебряные приборы, вытянул руки на столе и, опустив голову, стал ждать самого страшного.

Катсу захлестнула волна усталости. Приказы Ранды легче было выполнять, когда жертвы умоляли или скулили, когда в них не оставалось ничего достойного. Королю ведь не было никакого дела до этих лесов – его волновали лишь деньги и власть. К тому же лес вырастет снова. А отрезанные пальцы заново не вырастают.

Она вложила кинжал обратно в ножны. Значит, руку, или ногу, или, может, ключицу – очень болезненный перелом. Но ее собственные руки словно налились свинцом, ноги не желали двигаться.

Лорд испустил дрожащий вздох, но не пошевелился и продолжал молчать. Лжец, вор и дурак.

Он был ей совершенно безразличен.

Катса резко вздохнула.

– Я вижу, вы храбры, – сказала она, – хоть сначала мне так и не показалось.

Вскочив на стол, она ударила его в висок, как делала с охранниками Мергона. Он, покачнувшись, упал со стула. Катса развернулась и направилась в большой каменный зал ждать, когда Гиддон и Олл вернутся с деньгами.

Он проснется с головной болью, но не более того. Если Ранда прослышит о таком неповиновении, он будет в ярости.

Но возможно, Ранда не услышит. Или, может быть, ей удастся обвинить лорда в том, что он лжет, чтобы сохранить лицо.

В этом случае Ранда настоит, чтобы в следующий раз она вернулась с доказательствами. Будет коллекционировать сморщенные пальцы рук и ног. Какая репутация будет у нее после такого...

Это все не важно. Сегодня у нее нет сил пытать человека, который этого не заслужил.

В зал вошла тоненькая девочка. Катса узнала ее даже раньше, чем увидела глаза: один – желтый, как тыквы, что растут на севере, а другой – грязно-коричневый. Ей она готова сделать больно. Ее она будет мучить, если это помешает той воровать мысли.

Катса поймала взгляд девочки и пристально посмотрела ей в лицо. Малышка ахнула и попятилась, потом развернулась и бросилась бежать вон из зала.

Глава пятая

Они продвигались довольно быстро, хотя Катса ворчала, что они плетутся как черепахи.

– Катса убеждена, что любая скорость, на которой не рискуешь сломать шею, – пустая трата лошади, – съязвил Гиддон.

– Я только хочу поскорее узнать, рассказал ли этот лионидец что-нибудь Раффину.

– Не беспокойтесь, миледи, – успокаивающе сказал Олл. – Если погода не изменится, мы доберемся домой к вечеру завтрашнего дня.

Весь день и всю ночь было ясно, но перед рассветом звезды над их привалом скрылись за облаками. Утром всадники поспешно собрались и отправились в путь с некоторой тревогой. Вскоре, когда они уже заезжали на постоянный двор, в котором оставили своих лошадей, капли дождя уже всю били их по рукам и лицам. Только-только добрались они до конюшни, как небеса разверзлись и на землю хлынул дождь. По холмам вокруг заструились потоки воды.

В их маленьком отряде назрел спор.

– Можно ехать и под дождем, – убеждала их Катса, пока они стояли в конюшне и пытались разглядеть в десяти шагах трактир, невидимый за сплошной стеной дождя.

– Рискуя лошадьми, – возразил Гиддон. – И своими жизнями. Не носи чепуху, Катса.

– Это всего лишь вода, – раздраженно заметила она.

– Скажи это утопающему, – парировал Гиддон.

Он посмотрел на нее сверху вниз, и она решительно встретила этот взгляд. Тут через трещину в крыше просочилась капля дождя и щелкнула Кату по носу. Она яростно вытерлась.

– Миледи... – примирительно сказал Олл. – Милорд...

Катса глубоко вздохнула, посмотрела в его спокойное лицо и приготовилась к разочарованию.

– Мы не знаем, как долго продлится гроза, – продолжил Олл. – Если день, то лучше ее переждать. У нас нет причин ехать в такую погоду... – Катса попыталась возразить, но он поднял руку, и она умолкла, – таких причин, чтобы король не подумал, что мы выжили из ума. Но быть может, гроза продлится лишь час. В таком случае мы потеряем всего час.

Катса скрестила руки на груди и заставила себя дышать.

– Не похоже это на грозу, которая длится час.

– Значит, предупрежу трактирщика, что нам понадобится еда, – отозвался Олл, – и ночлег.

Постоялый двор расположился в отдалении от всех городов в холмах Миддландов, но летом дела тут шли неплохо благодаря останавливавшимся купцам и путешественникам. Это было простое квадратное здание с кухней и столовой на первом этаже и двумя этажами жилых комнат наверху. Все просто, но аккуратно и удобно. Катса предпочла бы, чтобы никто не суетился из-за их присутствия, но, конечно, здесь не привыкли принимать знатных постояльцев, и вся семья сбивалась с ног, чтобы угодить племяннице короля, его вассалу-лорду и капитану. Не обращая внимания на протесты Катсы, хозяева переселили в другую комнату какого-то заезжего купца, чтобы у нее был вид из окна. Правда, за стеной дождя все равно ничего нельзя было разглядеть, но Катса предполагала, что вид открывался на те же самые холмы, которые они наблюдали вот уже несколько дней.

Катсе очень хотелось оправдаться перед купцом за то, что его выкинули из комнаты, и за обедом она послала Олла передать слова извинения. Когда Олл указал ему на стол Катсы, та призывно подняла кубок. Купец в ответ поднял свой и энергично кивнул, но лицо у него было белое как мел, да и глаза округлились до размера тарелки.

– Ваша милость, когда вы отправляете Олла говорить за вас, это выглядит ужасно высокомерно, – заметил Гиддон, улыбаясь с полным ртом тушеного мяса.

Катса не ответила. Он и сам прекрасно понимал, почему она послала Олла: коль скоро этот человек был похож на остальных, он пришел бы в ужас, если бы леди Катса подошла к нему сама.

За столом им прислуживала мучительно стеснительная девочка. Она не говорила ни слова, только кивала и качала головой в ответ на их просьбы. В отличие от большинства, она как будто не могла оторвать взгляда от лица Катсы. Даже когда к ней обращался Гиддон, красивый рыцарь, глаза ее смотрели в сторону девушки.

– Эта девочка думает, что я собираюсь ее съесть, – заметила Катса.

– Мне так не кажется, – ответил Олл. – Ее отец – союзник Совета. Быть может, в этом доме о вас говорят не так, как в других, миледи.

– Все равно она наверняка слышала много рассказов, – возразила Катса.

– Возможно, – согласился Олл. – Но думаю, она вами восхищается.

Гиддон засмеялся:

– Ты и вправду умеешь восхищать, Катса.

Когда девочка подошла еще раз, он спросил ее имя.

– Лани, – прошептала она, и глаза ее снова метнулись к лицу Катсы.

– Ты видишь леди Катсу, Лани? – спросил Гиддон.

Малышка кивнула.

– Ты ее боишься?

Девочка молчала, прикусив губу.

– Она тебя не обидит, – успокоительно сказал Гиддон. – Понимаешь? Но если бы кто-то другой захотел тебя обидеть, леди Катса, скорее всего, обидела бы этого человека.

Отложив вилку, Катса посмотрела на Гиддона. Она не ожидала от него такой доброты.

– Понимаешь? – спросил он девчушку.

Та кивнула, не отрывая взгляда от Катсы.

– Может, пожмете друг другу руки? – предложил Гиддон.

Девочка помедлила, но потом протянула руку. Внутри у Катсы возникло чувство, которое она не могла бы определить. Какая-то тоскливая радость, оттого что это маленькое существо хотело прикоснуться к ней. Протянув руку, Катса пожалала тонкие детские пальчики:

– Рада с тобой познакомиться, Лани.

Глаза Лани округлились, она отпустила руку Катсы и убежала на кухню. Олл с Гиддоном покатались от хохота.

Катса повернулась к лорду:

– Я очень тебе благодарна.

– Ты совсем ничего не делаешь, чтобы развеять свою репутацию людоедши, – укоряюще проговорил Гиддон. – И сама это знаешь, Катса. Неудивительно, что у тебя так мало друзей.

Это так на него похоже – превратить трогательный жест в новое издевательство над ее характером. Он обожает высмеивать ее недостатки. И если он думает, что ей нужны друзья, значит совсем ее не знает.

Катса набросилась на еду и оставила беседу без внимания.

Дождь не прекращался. Олла и Гиддона совершенно устраивало сидеть в гостиной и болтать с купцами и трактирщиком, но Катсе казалось, что она скоро начнет кричать от бездействия. Она вышла в конюшню и насмерть перепугала мальчишку, такого же малыша, как Лани, который стоял на табуретке в стойле и чистил лошадь. Ее лошадь, как она заметила, когда глаза привыкли к полумраку.

– Я не хотела тебя напугать, – сказала Катса. – Просто искала, где можно поупражняться.

Мальчик слез со стула и пулей вылетел из конюшни. Катса всплеснула руками. Что ж, по крайней мере, теперь вся конюшня в ее распоряжении. Передвинув тюки сена, седла и грабли, она расчистила место и начала тренировку с серии ударов ногами и руками. Она изгибалась и разворачивалась, чувствуя воздух, пол, стены вокруг, лошадей, и, когда полностью сосредоточила внимание на воображаемых противниках, душа ее начала приходить в равновесие.

За ужином Олл и Гиддон рассказали ей любопытную новость.

– Король Мергон объявил о краже, – начал Олл. – Три ночи тому назад.

– Вот как? – Катса посмотрела сначала на Олла, потом на Гиддона. Оба выглядели как поймавшие мышью коты. – И что же у него украли?

– Объявил только, что похитили сокровище, – ответил Олл.

– Великие небеса! – вздохнула Катса. – А кто же украл у него это сокровище?

– Одни говорят, что это был юноша, наделенный Даром. Что-то вроде гипнотизера – он усыпил всю королевскую стражу.

– Другие утверждают, что это был Одаренный мужчина чудовищных размеров, – лукаво добавил Гиддон. – Ведь этот воин одолел всех стражников Мергона,

одного за другим.

Не сдержавшись, Гиддон начал хохотать, а Олл улыбнулся, склонившись над тарелкой.

- Вот так история, - произнесла Катса. - Больше ничего не известно? - добавила она, надеясь, что ее вопрос звучит простодушно.

- Поиски не начинались несколько часов, - рассказал Гиддон, - сначала все думали, что это сделал гость Мергона. При дворе оказался Одаренный воин. - Он понизил голос. - Представляешь? Вот удача-то!

- И что рассказал этот гость? - Катсе удалось заставить свой голос звучать спокойно.

- Видимо, ничего полезного. Утверждал, что ему ничего не известно.

- Что с ним случилось?

- Понятия не имею, - сказал Гиддон. - У него Дар сражаться. Сомневаюсь, что с ним много чего сумели сделать.

- А кто он такой? Откуда?

- Этого никто не сказал. - Гиддон ткнул ее в бок локтем. - Ну же, Катса, ты упускаешь главное. Какая разница, кто он такой! Они потратили на него уйму времени, а когда начали искать воров вне замка, было уже поздно.

Катсе подумалось, что она лучше, чем Гиддон или Олл, понимает, почему Мергон так долго допрашивал этого воина. И почему он постарался не афишировать, откуда юноша родом. Мергон не хотел, чтобы кто-нибудь заподозрил, что украденным сокровищем был Тилифф и, более того, что он держал Тилиффа у себя в темнице.

Но почему молодой лионидец ничего не рассказал Мергону? Неужели хотел защитить ее?

Скорей бы прекратился этот проклятый дождь и можно было вернуться в замок, к Раффину!

Катса отпила из кубка и поставила его на стол.

- Какая удача для воров.

- Да уж, - ухмыльнулся Гиддон.

- Есть еще новости?

- У сестры хозяина есть трехмесячный младенец, - ответил Олл. - Вчера утром они все здорово перепугались - им показалось, что один глаз у него потемнел, но это был просто отблеск.

- Потрясающе... - Катса полила мясо соусом.

- Королева Монси ужасно горюет по принцу Тилиффу, - начал Гиддон. - Нам монсийский купец рассказал.

- Я слышала, она отказывается от еды, - вспомнила Катса. Ей самой такой способ горевать казался на редкость дурацким.

- О, это еще не все. Она заперлась в своих покоях вместе с дочерью и не позволяет войти никому, кроме своей горничной, даже королю Леку.

Это было уже не глупо, это было очень странно.

- А дочери своей она разрешает есть?

- Горничная приносит им еду, - ответил Гиддон. - Но они отказываются выходить. Видимо, король - очень терпеливый человек.

- Это пройдет, - убежденно проговорил Олл. - Нельзя представить, на что может толкнуть человека горе. Все пройдет, когда ее отец найдется.

Совет предполагал скрывать местонахождение старика ради его безопасности, пока выясняется причина похищения. Но может быть, послать весточку королеве Монси, чтобы облегчить ее необычное горе? Катса решила над этим поразмыслить. Потом, когда можно будет разговаривать открыто, нужно будет посоветоваться с Оллом и Гиддоном.

– Она из Лионида, – заметил Гиддон. – Всем известно, что лионидцы – странный народ.

– Мне это и вправду кажется очень странным, – призналась Катса. Она не знала, что такое горе, а если и испытывала его когда-то, то не помнила этого. Ее мать, сестра Ранды, умерла от лихорадки раньше, чем у Катсы установился цвет глаз. Эта самая лихорадка унесла и мать Раффина, королеву Миддландов. Отец Катсы, рыцарь с северной границы Миддландов, погиб во время набега. Вестерцы напали тогда на нандерскую деревню, а ее отец, хоть и не обязан был этого делать, решил встать на защиту соседей и был убит в битве в те времена, когда Катса еще даже говорить не научилась. Она совсем не помнила отца.

Если бы умер дядя, Катса едва ли стала бы о нем скорбеть. Она взглянула на Гиддона. Терять его не хотелось, но вряд ли она горевала бы и из-за его гибели. С Оллом все иначе. Олла она бы оплакивала. И свою горничную, Хильду, тоже. И Раффина. Потерять Раффина было бы больнее, чем отрезать себе палец, или сломать руку, или вонзить нож в бок.

Но она не закрывалась бы в своих покоях. Наоборот, она не вернулась бы под крышу, пока не нашла бы виновного и не заставила бы его испытать такую адскую боль, какой не испытывал еще никто и никогда.

Гиддон что-то говорил, но Катса не слышала ни слова.

– Что ты сказал? – встряхнулась она.

– Я сказал, леди Соня-наяву, что небо, кажется, проясняется. Сможем отправиться на рассвете, если хочешь.

Они успеют вернуться в замок до темноты! Катса спешно доела ужин и побежала в комнату собирать вещи.

Глава шестая

Солнце еще не успело описать круг по небу и скрыться за горизонтом, когда копыта их коней зацокали по мраморным плитам во дворе замка Ранды. Со всех сторон ввысь поднимались каменные стены, сияя белизной на фоне зеленого мрамора пола. Вдоль стен над головой рядами тянулись галереи с балконами, чтобы придворные, проходя из одной части замка в другую, могли выглянуть вниз во двор и восхититься огромным садом Ранды, в котором росли ползучие виноградные лозы и деревья с розовыми цветами. В центре сада стоял фонтан со статуей Ранды, из одной протянутой руки и из горящего факела в другой били струи воды. Это был и красивый сад, если, конечно, не задерживать взгляд на статуе, и красивый замковый двор, но из-за того, что в галереях всегда толпились придворные, тишины и уединения здесь искать было бесполезно.

В замке были и другие подобные сады, но этот был самый большой, и все важные гости и посетители проезжали через него. Зеленый пол так сиял, что Катса видела в нем свое отражение и отражение своего коня. Белые стены были сложены из переливающегося камня и поднимались так высоко, что приходилось вытягивать шею, чтобы увидеть в вышине шпили башен. Замок был очень велик и очень внушителен – все, как любит Ранда.

Стук копыт и крики привлекли людей на балконы, все хотели посмотреть, кто приехал. Поприветствовать их вышел управляющий, а через мгновение во двор влетел Раффин:

– Вы вернулись!

Катса ухмыльнулась ему, потом пригляделась, даже встала на цыпочки – Раффин был очень высоким – и ухватила его за волосы.

– Рафф, что ты с собой сделал? У тебя волосы стали совсем голубые.

– Я испытывал новое средство от головной боли, – ответил он, – его нужно втирать в кожу головы. Вчера мне показалось, что у меня начинает болеть голова, и я попробовал. По всей видимости, оно делает светлые волосы

голубыми.

– А боль прошла? – улыбнулась Катса.

– Ну, если она у меня была, то прошла, но я не совсем уверен, что голова точно болела. А у тебя не болит? – с надеждой спросил он. – У тебя волосы темные, так сильно они не окрасятся.

– Не болит никогда. А что его величество думает о твоей прическе?

– Он со мной не разговаривает, – ухмыльнулся Раффин. – Говорит, что королевскому сыну не подобает так кошмарно себя вести и, пока краска не исчезнет, я ему не сын.

Олл и Гиддон поприветствовали Раффина, отдали поводья мальчишке-конюшему и проследовали в замок за управляющим, оставив Катсу и Раффина одних в саду. Невдалеке в фонтане журчала вода. Катса понизила голос и сделала вид, что сосредоточена на ремнях седельной сумки.

– Есть новости?

– Он не приходил в сознание, – ответил Раффин. – Ни разу.

Это ее огорчило.

– Ты слышал о знатном лионидце, наделенном Даром сражаться? – продолжила она вполголоса.

– Ты его видела, да? – (Катса в изумлении подняла глаза на Раффина.) – Когда въезжала в замок? Все шныряет здесь. В глаза ему тяжело встает смотреть, скажи? Это сын лионидского короля.

Он здесь? Это было неожиданно. Она снова сосредоточила внимание на седельной сумке.

– Наследник Рора?

– Великие горы, нет, что ты! У него шесть старших братьев. А имя у него самое дурацкое, какое только можно придумать седьмому в очереди на трон: принц Первоцвет Грандемалион. – Раффин улыбнулся. – Слышала хоть раз что-нибудь подобное?

– Зачем он приехал?

– А! – воскликнул Раффин. – Это ведь и вправду очень интересно. Он утверждает, что ищет своего похищенного деда.

Катса подняла взгляд от сумки и посмотрела в смеющиеся голубые глаза:

– Ты ведь не...

– Конечно нет. Я ждал тебя.

К ней подошел мальчик, чтобы забрать коня, а Раффин пустился в рассказы о гостях, которых она пропустила за время путешествия. Потом открылись одни из ворот и к ним вышел управляющий.

– Это к тебе, – сказал Раффин, – я ведь на данный момент не сын своего отца, и ко мне он слуг не посылает. – Рассмеявшись, он пошел прочь. – Рад, что ты вернулась! – крикнул он на прощание и исчез под сводами замка.

Управляющий был одним из кучки сухих и высокомерных прихлебателей Ранды.

– Леди Катса, – сказал он, – добро пожаловать домой. Его величество желает знать, успешно ли прошло путешествие на восток.

– Можете передать, что оно прошло успешно.

– Прекрасно, миледи. Его величество желает, чтобы вы переоделись к ужину.

– Не желает ли его величество чего-нибудь еще? – прищурилась Катса.

– Нет, миледи. Благодарю вас, миледи. – Слуга изогнулся в поклоне и поспешно убрался подальше от ее взгляда.

Вздыхнув, Катса закинула сумки на плечо. Когда король желал, чтобы она переделалась к ужину, это означало, что придется надевать платье, укладывать волосы, нацеплять драгоценности на шею и уши. Это означало, что король собирался посадить рядом с ней какого-нибудь ищущего спутницу жизни лорда, хотя, скорее всего, совсем не такую спутницу тот представлял себе в мечтах. Но она быстро успокоит беднягу и, если повезет, скажется больной и уйдет с середины представления. Можно притвориться, что болит голова. Ей захотелось взять у Раффина его лекарство и покрасить себе волосы в голубой цвет – это спасло бы ее на какое-то время от торжественных ужинов Ранды.

Раффин появился снова, этажом выше, в галерее, что тянулась мимо его лабораторий. Перегнувшись через перила, он позвал ее:

– Кати!

– Что?

– Выглядишь потерянной. Забыла дорогу в свои покои?

– Я тяну время.

– А долго еще? Я хотел показать тебе парочку новых изобретений.

– Мне приказано привести красоту к ужину.

– Ну, – ухмыльнулся он, – тогда тебе понадобится вечность.

Лицо Раффина расплылось в усмешке, и Катса, оторвав пуговицу от одной из сумок, швырнула ее в его сторону. Взвизгнув, он бросился на пол, и пуговица врезалась в стену там, где он только что был. Когда Раффин осторожно глянул вниз через перила, Катса стояла посреди двора, уперев руки в бедра, и ухмылялась:

– Я нарочно промазала.

– Показушница! Заходи, если будет время. – Он помахал рукой и скрылся в своих покоях.

Именно в этот момент смутный силуэт, о котором сигнализировало ее боковое зрение, принял форму. Он стоял этажом выше, слева и смотрел на нее, облокотившись на перила: ворот рубашки расстегнут, в ушах и на пальцах – золотые кольца. Волосы темные. А на лбу, рядом с глазом, – крошечный, едва заметный рубец.

Глаза. Катса никогда не видела таких глаз. Один был серебристый, другой – золотой, и они мерцали на загорелом лице, странно переливаясь. Удивительно, что они не светились в темноте при их первой встрече. Казалось, они не могут принадлежать человеку: от них невозможно было оторвать взгляд.

К незнакомцу подошел управляющий и о чем-то заговорил. Лионидец выпрямился, повернулся и сказал что-то в ответ, а когда управляющий ушел, взгляд его снова метнулся к Катсе. Он опять облокотился о перила.

Катса понимала, что стоит посреди двора, заглядевшись на этого лионидца, и понимала, что нужно уходить, но выяснилось, что уйти она не в силах.

Тогда он едва заметно поднял брови, и на губах появился намек на ухмылку. Он чуть кивнул ей, и это освободило ее от чар.

Самоуверенный, подумала она. Самоуверенный и наглый, вот и все, что о нем можно сказать. Какую бы игру он ни затеял – если думает, что втянет ее, – его ждет разочарование. Да уж, самый настоящий Первоцвет Грандемалион.

Она оторвала от него взгляд, поправила сумки и заставила себя направиться в крепость, всю дорогу чувствуя, что ее спину буравят эти необыкновенные глаза.

Глава седьмая

Хильда начала работать в замковых яслях примерно в то же время, когда Ранда впервые повелел Катсе исполнить наказание. Трудно с точностью сказать, почему она боялась Катсы меньше, чем другие. Быть может, потому, что у ее собственного ребенка тоже был Дар. Не боевой, всего лишь Дар плавания – навык, от которого королю нет прока. Поэтому мальчика отослали домой, и Хильда видела, как соседи избегали и высмеивали его просто потому, что он плавал как рыба. Или потому, что один глаз у него был черным, а другой – синим. И быть может, именно поэтому, когда слуги предупредили Хильду, чтобы она опасалась племянницы короля, Хильда не стала делать поспешных выводов.

Конечно, тогда Катса была уже слишком большая для яслей, к тому же замковые дети отнимали у Хильды много времени, но иногда ей удавалось вырваться на тренировки. Она сидела и смотрела, как под ударами ребенка из болвана сыплется набивка, как из рваных мешков на пол, словно кровь, струится зерно. Хильда никогда не оставалась долго – ее присутствие всегда требовалось в яслях, но все же Катса ее заметила, как замечала каждого из тех немногих, кто не избегал ее. Заметила и запомнила, но не давала себе труда любопытствовать. Катсе не было никакой надобности общаться со служанкой.

Но однажды Хильда пришла, когда Олла не было, а Катса тренировалась в одиночестве. И когда девочка прервалась, чтобы поставить нового болвана, Хильда вдруг заговорила:

– При дворе говорят, вы опасны, миледи.

Катса внимательно посмотрела на старую женщину перед собой, на седые волосы и серые глаза, на мягкие руки, сложенные на пухлом животе. Так долго отвечать на ее взгляд не мог никто, кроме Раффина, Олла и самого короля. Потом пожала плечами, подняла мешок с зерном на плечи и подвесила на крюк к деревянному столбу, стоящему в центре зала для упражнений.

– Первый человек, которого вы убили, миледи... – снова начала Хильда. – Тот кузен. Вы ведь не собирались его убивать?

Этот вопрос ей никто и никогда не задавал. Катса еще раз взглянула в лицо женщины, и та снова не отвела взгляда. Катса чувствовала, что это неподобающий вопрос для слуги. Но с ней так редко разговаривали, что она просто не знала, как реагировать.

- Нет, - ответила она. - Я только хотела, чтобы он перестал меня трогать.

- Значит, миледи, вы опасны только для тех, кто вам не нравится. Но быть может, для друга в вас угрозы нет.

- Потому я и провожу каждый день в этой комнате, - объяснила Катса.

- У?читесь управлять своим Даром, - проговорила Хильда. - Правильно, это нужно всем Одаренным.

Она знала, что обладать Даром нелегко, и не боялась говорить об этом. Катсе нужно было продолжать упражнения, но она медлила - в надежде, что женщина снова с ней заговорит.

- Миледи, позволено ли мне задать вам один личный вопрос?

Катса молча ждала. Трудно было представить себе более личный вопрос, чем тот, который уже прозвучал.

- Кто вам прислуживает, миледи? - спросила Хильда.

Катсе подумалось, не пытается ли эта женщина ее унижить. Она выпрямилась и посмотрела ей прямо в лицо, ожидая, что та рассмеется или хотя бы улыбнется.

- Я не держу слуг. Когда ко мне приставляют горничную, она обычно решает оставить службу в замке.

Хильда не рассмеялась и не улыбнулась, только мгновение изучающе смотрела на Катсу.

- У вас есть хоть одна служанка, миледи?

- Нет.

- Кто-нибудь рассказывал вам о женских кровотечениях, миледи? Или о том, как все происходит между мужчиной и женщиной?

Катса не понимала, что? эта служанка имеет в виду, и чувствовала, что недоумение написано у нее на лице. Но Хильда по-прежнему даже не улыбалась.

– Сколько вам лет, миледи? – спросила она, окинув Катсу взглядом.

Девочка вздернула подбородок:

– Почти одиннадцать.

– И они собирались позволить вам столкнуться со всем этим в одиночку! – всплеснула руками Хильда. – Да вы бы, наверное, носились по замку, как дикий зверь, не понимая, кто и что на вас нападает.

Катса вздернула подбородок еще выше:

– Я всегда знаю, кто на меня нападает.

– Дитя мое... – вздохнула Хильда, – миледи, позвольте вы мне иногда прислуживать вам, если будет нужда? Если вам понадобится помощь, а в яслях не будет работы?

Катсе пришло в голову, что, наверное, работать в яслях очень тяжело, раз эта женщина готова вместо того прислуживать ей.

– Мне не нужны слуги, – сказала она, – но я могу приказать, чтобы тебя перевели на другую работу, если тебе не нравится в яслях.

– Мне очень нравится в яслях. – Кажется, на губах Хильды мелькнула улыбка. – Простите меня за дерзость, миледи, но вам нужны слуги, а именно – горничная. Ведь у вас нет ни матери, ни сестер.

Катса никогда не чувствовала потребности в матери, сестрах и вообще в ком-нибудь на целом свете. Она не знала, что принято делать, когда слуги дерзят: Ранда, наверное, пришел бы в ярость, но Катса боялась своей ярости. Затаив дыхание и стиснув кулаки, она стояла неподвижно, как деревянный столб в центре зала. Пусть старуха говорит что угодно. Это ведь всего лишь слова.

Хильда поднялась и оправила платье.

– Я зайду в ваши покои при случае, миледи.

Ответом ей было каменное выражение лица.

– А если вам когда-нибудь захочется отдохнуть от торжественных обедов дяди, вы всегда можете навестить меня в моей комнате.

Катса заморгала. Ей были люто ненавистны эти званые обеды, когда на нее смотрели искоса, и никто не хотел сидеть рядом, и дядя все время что-то очень громко говорил. Неужели их правда можно избежать? Может общество этой женщины оказаться приятнее?

– Мне нужно вернуться в ясли, миледи. Меня зовут Хильда, я из западных Миддландов. У вас очень красивые глаза, милая. До встречи.

Хильда исчезла раньше, чем Катсе удалось выдать из себя хоть звук, и девочка так и осталась стоять и смотреть на дверь, которая закрылась за служанкой.

– Спасибо, – сказала Катса, хотя никто уже не мог этого услышать, и ей было непонятно, почему ее голос звучал так, словно она и вправду благодарна.

Катса сидела в ванне и билась над колтунами в спутанных волосах. Ей слышно было, как в соседней комнате Хильда с шелестом роется в сундуках и ящиках, извлекая на свет серьги и ожерелья, которые Катса разбросала где-то в кучах шелкового белья и кошмарных костяных корсетов, после того как ей в прошлый раз пришлось все это надевать. Хильда что-то бормотала и кряхтела – наверное, стоя на коленях, искала под кроватью щетку для волос или вечерние туфли.

– Какое платье вы сегодня наденете, миледи? – выкрикнула Хильда.

– Ты же знаешь, мне все равно, – отозвалась Катса.

В ответ опять послышалось бормотание. Через минуту Хильда подошла к двери, неся в руках платье цвета тех помидоров, что Ранда закупал в Лиониде, – помидоров, что гроздьями росли на лозах, и вкус у них был не хуже, чем у шоколадного торта главного замкового повара. Катса подняла брови.

– Я не буду надевать красное платье, – решительно сказала она.

– Оно цвета зари, – возразила Хильда.

– Оно цвета крови, – парировала Катса.

Вздыхнув, Хильда унесла платье из ванной комнаты.

– Оно смотрелось бы потрясающе, миледи, – донеслось до Катсы, – с вашими-то глазами и темными локонами.

– Если за ужином мне вдруг захочется кого-то потрясти, – потянув за самый упорный колтун в волосах, сообщила Катса мыльным пузырям, – я просто ударю его кулаком в лицо.

Хильда снова появилась в дверном проеме, на этот раз в руках у нее переливался нежный зеленый шелк.

– Этот достаточно скучный, миледи?

– У меня что, нет ничего серого или коричневого?

– Я настаиваю, миледи, чтобы вы надели что-нибудь цветное. – Лицо Хильды посуровело.

– Ты хочешь, чтобы люди на меня глазели, – нахмурилась Катса в ответ, поднесла своевольный колтун к глазам и начала яростно дергать. – Надо их вообще отрезать. Они не стоят таких мучений.

Хильда отложила платье и села на край ванны. Намылив пальцы, она забрала из рук Катсы многострадальные волосы и начала прядь за прядью аккуратно распутывать темные кудри.

– Если бы во время путешествия вы хоть раз в день проводили по ним щеткой, миледи, такого бы не было.

Катса фыркнула:

– Гиддон бы славно посмеялся над моими попытками прихорошиться.

Распутав один узел, Хильда принялась за следующий.

– Вы думаете, лорд Гиддон не считает вас красавицей, миледи?

– Хильда, – проговорила Катса, – как ты думаешь, сколько времени я трачу на раздумья о том, кто из господ считает меня красавицей?

– Недостаточно, – ответила Хильда, убежденно кивая, и Катса почувствовала, как внутри поднимается волна смеха. Милая Хильда. Она видела Катсу насквозь, знала, что той приходилось делать, и смирилась с тем, что Катса такая, какая есть. Но она никак не могла представить себе женщину, которая не хочет быть красивой, не хочет, чтобы за ней толпами бегали поклонники. Поэтому она считала, что в Катсе живут обе эти личности, хоть и трудно было себе представить, как у нее получалось их соотносить.

Ранда сидел в центре длинного высокого стола, который при надобности мог служить в большом обеденном зале трибуной. По периметру зала этот и еще три более низких стола образовывали квадрат, предоставляя всем гостям возможность свободно видеть короля.

Ранда был рослым мужчиной, даже выше своего сына и шире в плечах и шее. У него тоже были золотые волосы и голубые глаза, но они не искрились смехом, как глаза Раффина. Эти глаза были уверены, что вы сделаете все, что пожелает их обладатель, и сулили горе тому, кто откажется повиноваться. Не то чтобы Ранда был несправедлив – может быть, только к предателям. Дело в том, что ему нравилось, когда все было как он пожелает, а если что-то оказывалось не так, он мог посчитать, что его предали. И если виноваты оказались вы... что ж, у вас есть причины бояться этих глаз.

За обедом он не был грозным. За обедом он был наглым и громким. Сажал рядом с собой кого-нибудь по своему желанию. Часто это бывал Раффин, хотя Ранда разговаривал через его голову и никогда не трудился послушать, что мог сказать по тому или иному вопросу его собственный сын. Изредка это оказывалась Катса. Обычно Ранда держался от нее на расстоянии. Он предпочитал смотреть на своего палача сверху вниз и обращаться к ней издали, потому что его оклик обращал на племянницу – его драгоценное оружие – взгляды всего зала. Гости трепетали, и все было так, как Ранда любил.

Сегодня вечером она сидела за столом справа от Ранды, на своем обычном месте. Она все-таки надела платье из нежного зеленого шелка и теперь боролась с желанием оторвать рукава, которые расширились от запястий, свисая с рук, и вечно оказывались в тарелке, стоило ей потерять бдительность. Но это платье хотя бы закрывало грудь – или, по крайней мере, бо?льшую ее часть. Большинство остальных вечерних нарядов Катсы этим похвастаться не могло, – занимаясь ее гардеробом, Хильда не обращала на ее собственное мнение никакого внимания.

По левую руку сидел Гиддон, а справа – еще один лорд, предположительно завидный жених, старше Гиддона, но еще молодой, щуплый мужчина, своей лупоглазостью и широким ртом отдаленно напомилавший лягушку. Его звали Давит, и он был феодалом из северо-западных Миддландских земель, граничащих с Нандером и Истиллом.

Беседа с ним не была пыткой: он заботился о своей земле, своих крестьянах и деревнях, и Катса задавала множество вопросов, на которые он с охотой отвечал. Сначала он сидел на дальнем краешке стула и разговаривал с ее плечом, ухом и волосами, не поднимая взгляда на лицо. Но ужин шел своим чередом, Катса не кусалась, и он успокоился, расслабился, удобно устроился на стуле и разговорился. Катса даже подумала, что этот лорд Давит с северо-востока оказался неожиданно приятной компанией для ужина. Во всяком случае, ей было не так тяжело удерживаться от того, чтобы выдернуть из волос все шпильки, впивавшиеся в голову.

Лионидский принц тоже мешал сосредоточиться на беседе. Хоть она и старалась его не замечать и не смотреть на него, он сидел на другой стороне зала и все время маячил где-то в поле зрения. Иногда Катса чувствовала на себе его взгляд. Он был куда смелее всех остальных гостей, которые, как всегда, тщательно притворялись, что ее не существует. Ей пришло в голову, что в

лионидце смущали не столько необычные глаза, сколько то, что он не боялся отвечать на ее взгляд. Однажды Катса взглянула на него, когда он не смотрел, но он тут же поднял глаза ей навстречу. Давиту пришлось дважды повторить вопрос, прежде чем Катса услышала его и оторвалась от странного взгляда лионидца, чтобы ответить.

Скоро ей снова выпадет смотреть в эти глаза – им придется объясниться, и нужно решить, что с ним делать.

Катса предположила, что лорд Давит перестанет так волноваться, если поймет, что Ранде ни за что не удастся ее сосватать.

– Лорд Давит, – начала она, – у вас есть жена?

Он покачал головой:

– Это единственное, чего недостает в моем поместье, миледи.

Катса упорно разглядывала оленину и морковь в собственной тарелке.

– Моего дядю очень огорчает мое намерение не выходить замуж.

– Едва ли ваш дядя – единственный человек, которого это огорчает, – помолчав, ответил лорд Давит.

Посмотрев ему в лицо, Катса не сумела удержаться от улыбки.

– Лорд Давит, – сказала она, – вы весьма галантны.

Тот улыбнулся в ответ:

– Мои слова показались вам просто любезностью, но я был искренен. – Потом он вдруг наклонился и, пригнувшись, прошептал: – Миледи, я хотел бы поговорить с членами Совета.

Хотя гости за столами вели оживленную беседу, она прекрасно его расслышала, но, помешивая суп, сделала вид, что полностью занята трапезой.

- Сядьте прямо, - сказала она. - Ведите себя так, словно мы просто беседуем. Не шепчите, это привлекает внимание.

Лорд откинулся на спинку стула, подозвал служанку, и та наполнила его кубок вином. Съев несколько кусочков мяса, он снова повернулся к Катсе.

- Погода этим летом очень добра к моему пожилому отцу, миледи, - сказал он. - Он очень тяжело переносит жару, но на северо-востоке сейчас прохладно.

- Я очень рада это слышать, - отозвалась Катса. - Это сообщение или вопрос?

- Сообщение, - проговорил Давит сквозь полный рот моркови и отрезал еще кусок мяса. - Ухаживать за ним становится все тяжелее, миледи.

- Отчего же?

- Пожилые люди чувствительны к неудобствам. Наш долг - обеспечивать им достойные условия, - ответил он, - и безопасность.

- Истинно так, - кивнула Катса.

Внешне она была совершенно спокойна, но внутри сгорала от волнения. Если у него есть сведения о похищении лионидского принца, их должны узнать все. Она протянула руку под тяжелой скатертью, коснулась ею колена Гиддона, и он чуть наклонился к ней, не отворачиваясь, впрочем, от дамы по другую сторону.

- Вы знаете столько всего интересного, милорд! - сказала она Давиту или скорее своей тарелке, чтобы Гиддону было слышно. - Надеюсь, у нас будет возможность еще побеседовать, пока вы гостите в замке.

- Спасибо, миледи, - ответил лорд Давит. - Я тоже на это надеюсь.

Гиддон всем сообщит. Собрание проведут сегодня же ночью в ее покоях - они находятся в дальнем крыле, к тому же только там можно не опасаться

появления слуг. Если получится, перед собранием нужно найти Раффина – Катсе хотелось навестить принца Тилиффа. Даже если он все еще не очнулся, было бы хорошо своими глазами посмотреть, как он.

Катса услышала, как король произнес ее имя, и застыла. Она не смотрела на него, потому что не хотела поощрять, если вдруг он попытается втянуть ее в разговор. Разобрать его слова не получалось, но, скорее всего, он рассказывал кому-нибудь из гостей об одном из ее поручений. Хохот Ранды прокатился по столам через большой мраморный зал, и Катса поборолла желание нахмуриться.

Лионидский принц наблюдал за ней – она чувствовала это. Шею и лицо захлестнула волна жара.

– Миледи, – забеспокоился лорд Давит, – все в порядке? Вы кажетесь взволнованной.

К ней повернулся Гиддон, лицо у него было встревоженное.

– Тебе нехорошо? – Он попытался взять ее за руку.

Катса отпрянула.

– Мне никогда не бывает нехорошо! – огрызнулась она и вдруг почувствовала, что ей непременно нужно выбраться из зала: сбежать от гула голосов, от дядиного громоподобного хохота, от удушающей заботы Гиддона, горящих глаз лионидца, выйти на воздух, найти Раффина или побыть одной. Ей непременно нужно наружу, иначе она выйдет из себя, и тогда произойдет непоправимое.

Она встала, и Гиддон с лордом Давитом встали вслед за ней. Лионидский принц в другом конце зала тоже поднялся со своего места. Один за другим мужчины замечали, что она стоит, и поднимались. Наступила тишина, все смотрели на Катсу.

– Что случилось, Катса? – спросил Гиддон, снова пытаясь завладеть ее рукой.

Она позволила ему взять ее, чтобы не оскорблять перед всем залом, хотя ей показалось, будто его ладонь впивается ей в кожу раскаленным клеймом.

– Чепуха, – сказала она. – Простите.

Катса повернулась к королю, единственному мужчине в зале, кто не поднялся с места.

– Прошу прощения, мой повелитель. Ничего не случилось. Прошу вас, садитесь. – Она помахала рукой в сторону столов. – Прошу вас.

Джентльмены медленно сели, снова зазвучали голоса, раздался смех короля, и наверняка он смеялся над ней. Катса обратилась к лорду Давиту:

– Прошу извинить меня, милорд. – Потом повернулась к Гиддону, чья рука по-прежнему придерживала ее за локоть. – Пусти, Гиддон. Мне хочется пройтись на воздухе.

– Я пойду с тобой, – сказал он, поднимаясь, но заметил предупреждающий огонек в ее глазах и остановился. – Хорошо, Катса, поступай как знаешь.

Голос Гиддона звучал резко. Наверное, это было грубо с ее стороны, но ей было все равно. Единственное, что имело сейчас значение, – скорее выйти из зала и сбежать туда, где не слышно будет дядиного голоса. Она повернулась, стараясь не встретиться взглядом с лионидцем, и заставила себя медленно и спокойно дойти до дверей в конце зала. Едва переступив порог, Катса бросилась бежать.

Она бежала по коридорам, поворачивала, пробегала мимо слуг, которые, дрожа, старались вжаться в стенку, когда она пролетала рядом, и наконец ворвалась в окутанный тьмой двор.

На ходу вытаскивая из волос булавки, Катса шла по мраморным плитам и с облегчением вздохнула, когда кудри рассыпались по плечам и голова оказалась свободна. Это все из-за булавок, и платья, и туфель, в которых болели ноги. Это все из-за того, что приходилось высоко держать голову и сидеть прямо, из-за сережек, которые бились о шею, доводя до бешенства. Из-за всего этого она ни секунды больше не смогла бы высидеть на прекрасном дядином званом ужине. Она сняла серьги и бросила их в фонтан. Не важно, кто их найдет.

Хотя так нельзя, ведь пойдут толки, и уже завтра весь двор будет судачить о том, что бы это могло значить, с чего это она бросила серьги в дядин фонтан.

Катса скинула туфли, подобрала юбку и, забравшись в фонтан, вздохнула, когда холодная вода потекла между пальцами и сомкнулась вокруг лодыжек. Вот так – куда лучше. Больше она сегодня туфли ни за что не наденет.

Она побрела к блестящим на дне серьгам, вынула их из воды, вытерла о юбку и засунула в лиф платья, чтобы не потерялись. На мгновение Катса замерла, стоя в фонтане и наслаждаясь прохладой, обнимавшей ноги, легким ветерком, звуками ночи... пока шум, донесшийся из замка, не напомнил ей о том, что подумают при дворе, если увидят, как она, босая и растрепанная, бродит по фонтану короля Ранды. Все подумают, что она сошла с ума.

Может, она и вправду сошла с ума.

В лабораториях Раффина горел свет, но сейчас ей не помогло бы его общество – хотелось не сидеть и разговаривать, а действовать. Движение успокоило бы шум в голове.

Катса вылезла из фонтана и, обмотав ремешки туфель вокруг запястий, побежала.

Глава восьмая

На стрельбище было пусто и темно, лишь одинокий факел горел на пороге арсенала. Катса зажгла факелы по всей дальней линии, так что теперь мишени-болваны чернели на фоне яркого света за ними. Потом взяла первый попавшийся лук и горсть самых светлых стрел, какие только нашла, и одну за другой вонзила их в колени мишеней, потом в бедра, локтевые сгибы, плечи – пока колчан не опустел. Было ясно как день, что с этим луком ей под силу разоружить и обезвредить кого угодно даже в темноте. Катса взяла другой лук, выдернула стрелы из болванов и начала заново.

Она вышла из себя на ужине из-за пустяка. Ранда не заговорил с ней, даже не взглянул в ее сторону, а всего только произнес ее имя. Он любил хвастаться Катсой, словно ее необычайные способности были его заслугой. Словно она – лишь стрела, а он – лучник, чье мастерство вело ее к цели. Нет, не стрела, это не самое точное сравнение. Скорее собака. Ранде она казалась дикой собакой, которую он усмирил и выдрессировал, натаскал на своих врагов и выпускал из клетки, только чтобы холить и чистить, сажать среди своих друзей и этим приводить их в трепет.

Катса не заметила, как увеличилась скорость, точность и ярость, с которой она выдергивала стрелы из колчана, так что новая оказывалась вложена в тетиву раньше, чем предыдущая успевала долететь до цели. Лишь почувствовав, что за спиной кто-то есть, она отвлеклась от своего занятия и осознала, как, должно быть, выглядит.

Она и вправду была диким зверем. Достаточно посмотреть на скорость ее движений и точность – и это с дрянным луком, плохо изогнутым, со слабо натянутой тетивой. Неудивительно, что Ранда так к ней относился.

Катса знала, что за ее спиной стоял лионидец, и решила не обращать на него внимания, но замедлила движения, напоказ прицеливаясь в бедро или колено, прежде чем пустить стрелу. Она вдруг почувствовала грязь под ногами и вспомнила, что стоит босая, с рассыпавшимися по плечам волосами, а туфли ее валяются где-то возле арсенала. Он наверняка заметил даже их – едва ли бывает что-то, чего эти глаза не замечают. Ну, он бы и сам не стал носить такую дурацкую обувь или втыкать в волосы булавки, которые словно впиваются в несчастную голову. Хотя, может, и стал бы. Кажется, он ничего не имеет против всех этих драгоценностей в ушах и на пальцах. Тщеславные, наверное, люди эти лионидцы.

– Вы можете убить из лука? Или только ранить?

Этот хриловатый голос напомнил ей о той ночи в замке Мергона и теперь дразнил так же, как тогда. Она даже не стала к нему оборачиваться, просто вынула из колчана две стрелы, вложила их вместе, натянула и отпустила тетиву. Одна стрела воткнулась в голову болвана, другая – в грудь. Они вошли в мишень с убедительным глухим звуком и теперь белели в мерцающем свете факелов.

– Было бы большой глупостью вызвать вас на состязание в стрельбе.

В его голосе звенел смех. По-прежнему не оборачиваясь, Катса потянулась за новой стрелой.

– От нашего прошлого состязания вы отказались не так легко, – заметила она.

– Да, но это потому, что боевые навыки у меня тоже имеются. А вот в стрельбе из лука мастерства не хватает.

Катса не удержалась. Ей стало любопытно. Она обернулась – его лицо оказалось скрыто в тени.

– Это правда?

– Мой Дар – умение сражаться врукопашную, – сказал он, – или с мечом. Стрелять из лука не помогает.

Он непринужденно оперся о массивную каменную плиту, которая служила лучникам столом для амуниции, и сложил руки на груди. Катса начала уже привыкать к тому, что он выглядит так, словно в любой момент может задремать, но ее этот томный вид одурачить не мог. Ей пришло в голову, что, вздумай она вдруг напасть, он бы среагировал молниеносно.

– Значит, чтобы иметь преимущество, вам нужно контактировать с противником.

Он кивнул.

– Может быть, я скорее, чем простой воин, увернусь от стрелы. Но при нападении все зависит от моей цели.

– Хм...

Катса верила, что он говорил правду. Дар – штука очень странная, двух совершенно одинаковых на свете не найти.

- А нож вы бросаете так же хорошо, как стреляете из лука? - спросил он.

- Да.

- Вы непобедимы, леди Катса.

В его голосе снова зазвучал смех. Она помедлила мгновение, потом отвернулась и направилась к мишеням, остановилась у одного из «поверженных» болванов и стала вытаскивать стрелы из его бедер, груди и головы.

Принц искал своего деда, и Катса знала, где он. Но он просто не казался ей надежным. Ему трудно было довериться.

Она переходила от мишени к мишени, выдергивая стрелы и чувствуя, что он наблюдает, и взгляд, прожигающий спину, следил за ней, пока она не дошла до дальней линии, где один за другим потушила факелы. Когда погасло последнее пламя, мрак окутал ее и она почувствовала себя невидимой.

Тогда Катса повернулась к принцу с намерением незаметно изучить его в отблесках света из арсенала, но оказалось, что он, ссутулившись и сложив руки, смотрит прямо на нее. Он не мог ее видеть, это было просто невозможно... но он смотрел уверенно, и она отвела взгляд, хотя понимала, что он не может видеть ее глаз.

Пройдя через зал, Катса вступила в пятно света, и его взгляд изменился, на губах мелькнула улыбка. Отблески пламени играли с золотом и серебром его глаз, кошачьих горящих глаз ночного хищника.

- Ваш Дар помогает видеть в темноте? - спросила она.

- Едва ли, - усмехнулся он. - А что?

Она ничего не ответила. Мгновение они просто смотрели друг на друга. Шею Катсы снова начал заливать румянец, а вместе с ним внутри поднялось раздражение. Она слишком привыкла к тому, что все избегают встречаться с ней взглядом. Ему не смутить ее этим, ни за что.

– Я намерена уйти в свои покои, – сказала она.

– Миледи, – принц выпрямился, – у меня есть вопросы.

Что ж, она ведь знала, что этому разговору быть, и пусть уж лучше он пройдет в темноте, где эти глаза не смогут ее смутить. Катса сняла колчан и положила на каменный стол, а потом и лук рядом с ним.

– Задавайте.

Он снова оперся о камень.

– Что вы украли у короля Мергона, миледи, четыре ночи тому назад?

– Ничего, что король Мергон сам не украл.

– Украл у вас?

– Да, у меня или у моих друзей.

– Вот как? – Он снова сложил руки на груди, одна бровь взлетела вверх в свете факелов. – Не удивятся ли ваши друзья, назови вы их этим словом?

– Почему они должны удивляться? Они считают себя моими врагами?

– А, – сказал он, – вот оно что! Но я думал, что у Миддландов нет ни друзей, ни врагов, что король Ранда не вмешивается в дела соседей.

– Видимо, вы ошибаетесь.

– Нет, не ошибаюсь. – Он пристально посмотрел на нее, но, к счастью, тень скрывала ее лицо. – Вы знаете, почему я здесь, миледи?

– Мне сказали, вы сын короля Лионида, – ответила она. – И ищете своего исчезнувшего деда. Но почему вы приехали в наш замок, не знаю. Едва ли вашего деда похитил Ранда.

Несколько секунд он смотрел на нее задумчиво, потом на лице его мелькнула улыбка. Катса не лгала, но это не важно. Что бы он ни думал, она не собирается это подтверждать.

– Король Мергон был твердо убежден, что я замешан в краже, – произнес он. – И что я знаю, что именно у него украли.

– Естественно, – отозвалась Катса. – Стражники видели Одаренного воина, а вы такой и есть.

– Нет, Мергон думал, что я замешан, не потому, что у меня Дар, а потому, что я из Лионида. Можете объяснить почему?

Конечно, она не станет отвечать этому ухмыляющемуся лионидцу. Ей бросилось вдруг в глаза, что ворот его рубашки теперь плотно застегнут.

– Вижу, вы все-таки застегиваете рубашку, хотя бы на государственных приемах, – услышала она собственный голос, хоть ей и неясно было, откуда взялся этот бессмысленный комментарий.

Он скривил губы, а в голосе зазвучал неприкрытый смех:

– Не знал, что вы так заинтересованы в состоянии моих рубашек, миледи.

Лицо Катсы вспыхнуло, его смех приводил ее в бешенство. Это все просто сумасшествие, и терпеть его она больше не намерена.

– Я уйду к себе, сейчас же!

Она повернулась к выходу, но он в мгновение ока преградил ей путь:

– Мой дедушка у вас.

– Я уйду к себе.

Катса попыталась его обойти, но он снова встал на пути и на этот раз предупреждающе поднял руку.

Что ж, по крайней мере, теперь они общались на том языке, к которому она привыкла. Катса задрала голову и посмотрела ему прямо в глаза:

– Я уйду к себе, и если для этого мне придется сбить вас с ног, так тому и быть.

– Я не позволю вам уйти, пока вы не скажете, где мой дедушка.

Катса снова попыталась пройти мимо, но он сделал шаг, чтобы помешать ей, и она почти с облегчением сделала выпад. Это была просто уловка, и, когда он пригнулся, она собиралась ударить его коленом в живот, но принц, увернувшись, сам ударил ее в живот кулаком. Она не стала отражать удар, просто чтобы посмотреть, как он бьет, но тут же пожалела об этом. Это был не королевский стражник, чьи удары едва чувствовались, даже когда они нападали вдесятером. От этого удара у нее крепко перехватило дыхание. Наглец хорошо дрался – что ж, значит, они будут биться.

Подпрыгнув, она пнула принца ногой в грудь. Он упал на землю, и она бросилась на него, ударила в лицо раз, два, три раза и коленом в бок, прежде чем ему удалось сбросить ее с себя. Словно тигрица, Катса бросилась на него опять, но, когда попыталась схватить его за руки, он бросил ее на пол и прижал своим телом. Поджав ноги, она скинула его с себя, и вот они снова на ногах, приседают, кружатся, бьют друг друга руками и ногами. Она ударила его ногой в живот и бросилась вперед, и они снова оказались на полу.

Катса не смогла бы сказать, сколько они уже так боролись, когда вдруг поняла, что он смеется. И она понимала его радость, понимала в полной мере. Она еще никогда так не дралась, никогда у нее не было такого противника. Она нападала быстрее, намного быстрее, но он был сильнее физически и словно предчувствовал каждый ее поворот и удар. Она никогда еще не встречала воина, который умел бы так быстро защищаться. Ей приходилось вспоминать движения, которые она учила еще ребенком, использовать удары, которые лишь мечтала когда-нибудь опробовать в бою. Это была забава, игра. Когда он скрутил ей руки за спиной, схватил за волосы и вжал лицом в грязь, она поняла, что тоже смеется.

- Сдавайся, – сказал он.

- Никогда!

Она пнула его ногой и освободилась из захвата, потом ударила локтем в лицо, а когда он отпрыгнул, налетела вихрем и повалила на землю. Скрутив принцу руки за спиной точно так же, как он за мгновение до того, Катса ткнула его лицом в грязь.

- Сдавайся сам, – сказала она, упершись ему коленом в позвоночник. – Ты побежден.

- Я не побежден, и ты это знаешь. Чтобы меня победить, придется переломать мне руки и ноги.

- Я так и сделаю, – ответила она, – если ты не сдашься.

В ее голосе звучала улыбка.

- Катса, – рассмеялся он, – леди Катса. Я сдаюсь, но при одном условии.

- Что же это за условие?

- Прошу тебя, – сказал он, – пожалуйста, скажи, что с моим дедушкой.

К смеху в его голосе примешивалось что-то такое, что у Катсы защемило сердце. У нее не было дедушки. Но быть может, он был этому лионидцу так же дорог, как Олл, или Хильда, или Раффин дороги ей.

- Катса, – сказал он сквозь грязь, – умоляю, поверь мне, как я поверил тебе.

Помедлив мгновение, она отпустила его руки, соскользнула на землю и села в грязь рядом. Задумчиво опершись подбородком на руку, она внимательно на него посмотрела.

– Почему ты мне доверяешь? – спросила она. – Ведь я оставила тебя без сознания в замке Мергона.

Со стоном он перевернулся и сел, потирая плечо.

– Потому что в тот день я очнулся. Ты могла бы убить меня, но не убила. – Он поморщился, дотронувшись до скулы. – У тебя кровь.

Он потянулся к ее подбородку, но она отвела его руку и поднялась с земли.

– Не важно. Пойдем, принц Первоцвет.

Он встал на ноги:

– Меня зовут По.

– По?

– Да, мое имя – По.

Катса задержала на нем взгляд, пока он двигал руками и проверял суставы. Нажав ладонью на бок, он вдруг застонал. Под глазом, кажется, начинал чернеть и опухать синяк, хотя в темноте трудно было разглядеть. Рукав рубашки порван, и весь принц с ног до головы вымазан в грязи. Конечно, она выглядела не лучше, даже хуже – со спутанными волосами, босая, но это лишь заставило ее улыбнуться.

– Пойдем, По, – сказала она. – Я отведу тебя к дедушке.

Глава девятая

Войдя в ярко освещенную лабораторию Раффина, они обнаружили его голубую шевелюру склоненной над колбой с кипящей жидкостью. Он добавил в нее листья с растения в горшке, стоявшего рядом, проследил за тем, как они

растворяются, и что-то пробормотал.

Катса кашлянула. Раффин поднял на них глаза и удивленно заморгал.

– Я так вижу, вы уже познакомились, – сказал он. – Наверное, это был дружеский бой, раз вы пришли вместе.

– Ты один? – спросила Катса.

– Да, если не считать Банна, конечно.

– Я рассказала принцу о его дедушке.

Раффин перевел взгляд от Катсы к По и обратно, потом скептически поднял брови.

– Ему можно доверять, – успокоила его Катса. – Прости, что не посоветовалась с тобой, Рафф.

– Кати, – ответил тот, – если ты считаешь, что ему можно доверять, после того как он разбил тебе лицо в кровь и... – он окинул взглядом изодранное платье, – искупал в грязи, то я верю.

Катса улыбнулась:

– Можно нам к нему?

– Можно, – разрешил Раффин. – Кстати, у меня хорошие новости – он очнулся.

Замок Ранды изобиловал тайными коридорами, и все они существовали уже множество поколений, с самого его возведения. Их было так много, что даже Ранда не знал их все – да и никто не знал, хотя Раффин с самого детства не забывал отмечать про себя, если вдруг две соседние комнаты соединялись под необычным углом. Катса с Раффином немало из них облазили в детстве, и Катса стояла на часах, так что если кто-то и был опасно близок к раскрытию

исследовательской деятельности Раффина, то тут же сбегал прочь при виде мрачной маленькой фигурки. Даже свои покои Катса с Раффином выбрали потому, что их связывал тайный ход, и потому, что другой коридор соединял комнаты Раффина с библиотекой научных трактатов.

Некоторые из этих ходов были секретными, о некоторых знал весь двор. Те, что шли от лаборатории Раффина, были секретными. Один из них брал начало в алькове в дальнем конце кладовой, продолжался лестницей вверх и заканчивался в небольшой комнатке меж двух этажей замка. Комнатка была без окон, темная и затхлая, но это было единственное место в замке, которое точно не обнаружил бы никто чужой и к которому и Раффин, и Банн могли быстро добраться из своих покоев.

Банн, который мальчиком служил в библиотеке, был давним другом Раффина. Однажды Раффин случайно столкнулся с ним, и мальчишки принялись болтать о травах и лекарствах и о том, что случится, если смешать корень такого-то растения с порошком из цветов такого-то. Катса была поражена, что во всех Миддландах нашлось больше одного человека, которому подобные темы казались интересными, но вздохнула с облегчением, видя, что Раффину теперь есть кого утомлять своими рассказами. Вскоре после этого ему понадобилась помощь Банна в каком-то эксперименте, и с тех пор он не отпускал его от себя. Банн стал помощником Раффина во всем.

Раффин с горящим факелом в руке вывел Катсу и По через дверь в задней части кладовой, и они поднялись по ступенькам, ведущим к тайной комнате.

- Он что-нибудь говорил? - спросила Катса.

- Нет, - ответил Раффин, - кроме того, что ему завязали глаза, когда напали. Он еще очень слаб и, кажется, мало что помнит.

- Вы знаете, кто его похитил? - спросил По. - Это дело рук Мергона?

- Мы так не думаем, - отозвалась Катса, - но наверняка известно только то, что в этом не замешан Ранда.

Лестница привела их к двери, и Раффин засуетился в поисках ключа.

– Ранда не знает, что он здесь, – сказал По скорее утвердительно, чем вопросительно.

– Ранда не знает, – подтвердила Катса. – И никогда не узнает.

Когда Раффин открыл дверь, они попали в тесную комнатку. Подле узкой кровати на стуле сидел Банн, что-то читая при тусклом свете лампы на столе. Принц Тилифф лежал в постели, глаза его были закрыты, руки сложены на груди.

Увидев их, Банн поднялся со стула. Он, казалось, ничуть не удивился, когда По бросился к кровати, – только отошел, предложив тому свой стул. По сел и склонился над дедом, заглянув в его спящее лицо. Какое-то время он просто сидел и смотрел на него, замерев, потом взял руки старика в свои и с тихим вздохом прижался к ним лбом.

Катса почувствовала себя так, словно стала свидетелем чего-то очень личного. Она не решалась поднять глаза, пока По не выпрямился.

– У вас лицо багровеет, принц Первоцвет, – сказал Раффин. – Вы рискуете заиметь огромный синяк.

– По, – отозвался тот. – Зови меня По.

– Хорошо, По. Я достану льда из кладовой. Пойдем, Банн, принесем кое-чего нашим храбрым воинам.

Раффин с Банном скрылись за дверью, а когда Катса и По снова повернулись к Тилиффу, глаза старика были открыты.

– Дедушка! – прошептал По.

– По? – говорил он хрипло и с трудом. – По... – Натужно откашлявшись, он несколько мгновений лежал неподвижно, собираясь с силами. – Великие моря, мальчик мой! Наверное, мне не стоит удивляться, что ты здесь.

– Я искал тебя, дедушка, – проговорил По.

– Придвинь лампу, мальчик мой, – попросил Тилифф. – Что, во имя Лионида, ты сотворил со своим лицом?

– Пустяки, дедушка. Просто подрался.

– Со стаей волков?

– С леди Катсой, – ответил По, кивая в сторону Катсы, которая стояла в изножье кровати. – Не бойся, дедушка. Небольшая дружеская потасовка.

– Дружеская потасовка! – фыркнул Тилифф. – Ты выглядишь хуже, чем она, По.

По расхохотался. Он много смеялся, этот лионидский принц.

– Я наконец-то встретился с равным, дедушка.

– С более чем равным, – отозвался Тилифф, – так мне думается. Подойди, дитя мое, – позвал он Катсу. – Выйди к свету.

Катса подошла с другой стороны кровати и встала перед ним на колени. Тилифф повернулся к ней, и она вдруг вспомнила о своем грязном, окровавленном лице, о спутанных волосах. Как кошмарно она, должно быть, выглядит.

– Дорогая девочка, – мягко сказал он, – ты спасла мне жизнь.

– Мой принц, – отозвалась Катса, – если кто и спас вам жизнь, то это мой кузен Раффин и его чудесные снадобья.

– Да, Раффин хороший мальчик, – согласился он, похлопывая ее по руке. – Но я знаю, что сделала ты – ты и остальные. Вы спасли мне жизнь, хоть я и не могу понять почему. Не думаю, что кто-нибудь из лионидцев когда-то сделал тебе добро.

– Я никогда не встречала лионидцев, – сказала Катса, – до вас, мой принц. Но вы кажетесь очень добрым.

Тилифф закрыл глаза. Казалось, он утопал в подушках. Из рта вырвался протяжный вздох.

- Он так засыпает, - с порога успокоил их Раффин. - Ему нужен покой, и силы вернутся. - Он сунул По в руки что-то завернутое в ткань. - Это лед. Приложи к глазу. Похоже, она тебе и губу разбила. Где еще болит?

- Везде, - ответил По. - Такое ощущение, будто по мне промчалась упряжка лошадей.

- Скажи честно, Катса, - сказал Раффин, - ты пыталась его убить?

- Если бы я хотела его убить, он был бы мертв, - ответила Катса, и По снова засмеялся. - К тому же он не смеялся бы, - добавила она, - если бы все было так уж плохо.

Все и вправду оказалось не так уж плохо; по крайней мере, Раффин, осмотрев По, не нашел ни одной сломанной кости и ни одного синяка, который не зажил бы вскоре. Потом он повернулся к Катсе, изучил пересекавшую челюсть царапину и отер ее лицо от грязи и крови.

- Царапина не очень глубокая, - сообщил он. - Еще жалобы?

- Никаких, - ответила она. - Я и царапины-то не чувствую.

- Думаю, платью придется отправить в отставку, - сказал он. - Получишь от Хильды страшный нагоняй.

- Кошмар, я ведь так любила это платье!

Раффин улыбнулся, взял ее за руки и отступил, чтобы оглядеть с ног до головы, а потом от души рассмеялся.

- Что может показаться таким забавным принцу, который покрасил себе волосы в голубой цвет?

- Впервые в жизни, - отозвался он, - ты выглядишь так, будто побывала в битве.

В покоях Катсы было пять комнат. Первая – спальня, украшенная темными драпировками и гобеленами, выбранными Хильдой, потому что Катса отказалась этим заниматься. Вторая – ванная комната белого мрамора, большая, холодная и практичная. Потом столовая с окнами во двор и небольшим столиком, где она ела, иногда с Раффином, или с Хильдой, или с Гиддоном, когда он не выводил ее из себя. Еще гостиная, полная мягких кресел и подушек, которые опять же выбирала Хильда. Катса не пользовалась гостиной.

Пятая комната когда-то была комнатой для вышивания, но трудно было вспомнить, когда Катса в последний раз что-то вышивала, вязала или штопала чулок. По правде говоря, она даже не могла вспомнить, когда в последний раз чулок надевала. Комната со временем превратилась в оружейную: на ее стенах Катса хранила свои мечи, кинжалы, ножи, луки и дубинки. Еще там появился массивный квадратный стол, и теперь в этой комнате проводились заседания Совета.

Катса сидела в ванне уже второй раз за день, собрав мокрые волосы в высокий узел. Платье она бросила в камин в спальне и с огромным удовлетворением наблюдала за его гибелью в дыму и пламени. Прибыл мальчик, который обычно стоял на страже во время заседаний Совета. Катса направилась в оружейную и зажгла факелы, висевшие на стенах между ножами и луками.

Раффин и По пришли первыми. Волосы По были еще влажными после мытья. Вокруг золотого глаза налился синяк, сделав взгляд еще более лихим и пугающим, чем раньше. Он сел за стол, сунув руки в карманы. Глаза его метались по комнате, разглядывая коллекцию Катсы. По надел свежую рубашку, ворот ее был расстегнут, рукава закатаны до локтей, открывая руки, такие же загорелые, как и лицо. Не понимая, почему обращает на все это внимание, Катса нахмурилась.

– Садитесь, ваши королевские высочества, – проворчала она, подвинула стул и села сама.

– У тебя прекрасное настроение, – заметил Раффин.

– У тебя голубые волосы, – огрызнулась Катса в ответ.

В комнату вошел Олл. При виде царапины на лице Катсы у него отвисла челюсть. Повернувшись к По, он заметил у того синяк под глазом. Посмеиваясь, снова повернулся к Катсе, хлопнул ладонью по столу, и смешок перешел в хохот:

- Как бы я хотел видеть это сражение, миледи! Ох, как бы я хотел это видеть!

По улыбнулся:

- Победила леди Катса, хотя я сомневаюсь, что вас это удивит.

- Это была тренировка, - сердито возразила Катса. - Никто не победил.

- Эй! - раздался голос Гиддона, и, когда он вошел в комнату и увидел Катсу и По, его глаза потемнели. Положив руку на рукоять меча, лорд резко повернулся к По. - Как вы осмелились напасть на леди Катсу?

- Гиддон, - перебила его Катса, - не будь смешным.

- Кто позволил ему на тебя нападать?!

- Я ударила первой, Гиддон. Садись.

- Если ты ударила первой, значит он тебя оскорбил...

Катса вскочила на ноги:

- Довольно, Гиддон! Если ты думаешь, что меня нужно защищать...

- Гость короля, незнакомец...

- Гиддон...

- Лорд Гиддон... - По встал, прервав Катсу. - Если я оскорбил вашу даму, - начал он, - прошу прощения. Я так редко имею удовольствие поупражняться со столь могучим воином, что не устоял перед искушением. Уверяю вас, она нанесла мне куда больше урона, чем я ей.

Гиддон не убрал ладонь с меча, но лицо его стало менее мрачным.

– Прощу прощения, что оскорбил и вас также, – сказал По. – Теперь я понимаю, что должен был больше заботиться о ее лице. Сожалею. Это было непростительно. – И он протянул руку через стол.

Суровые глаза Гиддона снова потеплели, и он пожал протянутую руку.

– Вы ведь понимаете, – сказал он.

– Конечно.

Катса переводила взгляд с одного на другого, глядя, как эти двое понимающих жмут друг другу руки, и терялась в догадках, почему Гиддон так оскорбился и, вообще, при чем тут Гиддон. Кто они такие, чтобы отбирать у нее эту схватку и превращать в какое-то тайное соглашение? Он должен был больше заботиться о ее лице? Ей захотелось сломать ему нос. Она бы их обоих сейчас отметелила и не подумала извиняться.

По поймал ее взгляд, и Катса не сделала ничего, чтобы смягчить молчаливую ярость, которую метнула в него через стол.

– Может быть, сядем? – предложил кто-то.

По не спускал с нее глаз, пока они садились. В его лице не было ни намека на веселье, на этот наглый разговор с Гиддоном. А потом он одними губами прошептал два слова, и Катса так ясно их услышала, словно он произнес это вслух:

«Прости меня».

Ну...

Гиддон все равно сволочь.

На собрании присутствовали, помимо По и лорда Давита, шестнадцать членов Совета: Катса, Раффин, Гиддон, Олл со своей женой Бертол, два воина и два шпиона из его подчиненных, три лорда, равных по знатности Гиддону, и четверо слуг – кухарка, помощник конюха, прачка и клерк из казначейства. В замке Ранды были и другие союзники Совета, но эти присутствовали на собраниях чаще всего. Еще на встречах частенько появлялся Банн, если удавалось улизнуть.

Главной целью собрания было выслушать новости лорда Давита, поэтому времени терять не стали.

– К сожалению, я не могу сказать, кто похитил принца Тилиффа, – начал он. – Вы, конечно, предпочли бы именно такие новости. Зато я, возможно, могу сказать, кто этого точно не делал. Мои земли граничат с Истиллом и Нандером. Вассалы королей Тигпена и Драудена – мои соседи, некоторые из них знают с их шпионами и, что самое главное, благоволят к Совету. Принц Раффин, – продолжал Давит, – эти люди уверены, что ни король Тигпен, ни король Драуден не замешаны в похищении.

Раффин и Катса переглянулись.

– Значит, остается Бирн, король Вестера, – заключил Раффин.

Получается так, хоть Катсе и не приходило в голову никакого мотива.

– Нам нужны ваши источники, – подал голос Олл, – и источники ваших источников. Мы внимательно ими займемся, и если сведения окажутся правдивыми, это поможет нам намного дальше продвинуться в поисках разгадки.

Заседание длилось недолго. Во всех семи королевствах было спокойно, а сообщение Давита давало довольно работы Оллу и его шпионам, по крайней мере пока.

– Нам бы очень помогло, принц Первоцвет, – попросил Раффин, – если бы ты позволил нам пока держать спасение твоего дедушки в тайне. Мы не можем

гарантировать его безопасность, если даже не знаем, кто на него напал.

- Конечно, - ответил По. - Я понимаю.

- Но может быть, стоит отправить семье зашифрованное послание, - продолжил Раффин, - сообщить, что с принцем все хорошо...

- Да, думаю, у меня получится состряпать такое послание.

- Отлично! - Раффин хлопнул ладонями по столу. - Что-нибудь еще важное? Катса?

- Ничего.

- Хорошо. - Раффин поднялся. - Что ж, тогда до встречи, когда получим какие-нибудь сведения или когда принц Тилифф что-нибудь вспомнит. Гиддон, проводи, пожалуйста, лорда Давита обратно в его покои. Олл, Хоран, Уоллер, Бертол, пойдете со мной, на минутку. Мы воспользуемся тайным ходом, Катса, если ты не возражаешь против того, чтобы мы дефилировали через твою спальню.

- Вперед, - разрешила Катса. - Это лучше, чем если вы будете дефилировать по коридорам.

- Принц! - сказал Раффин. - Катса, ты не проводишь принца?..

- Провожу, иди.

Раффин удалился в сопровождении Олла и шпионов, солдаты и слуги, распрощавшись, тоже отбыли восвояси.

- Полагаю, твоя дурнота прошла, Катса, - заметил Гиддон, - раз ты уже затеяла схватку; похоже, ты и в самом деле снова стала самой собой.

Катса заставила себя быть с ним вежливой из-за По и лорда Давита, хоть он и смеялся ей в лицо.

– Да, спасибо, Гиддон. Доброй ночи.

Гиддон, кивнув, вышел в обществе лорда Давита, и По с Катсой остались одни. По откинулся на стуле, прислонившись спиной к столу:

– Предполагается, что я сам не сумею найти дорогу?

– Он хотел, чтобы я провела тебя тайным ходом, – объяснила Катса. – Если кто-то увидит, как ты бродишь ночью по замку, начнутся пересуды. Здесь при дворе готовы уцепиться за любую чепуху, лишь бы посудачить.

– Да уж, – согласился он. – Думаю, так дела обстоят почти при любом дворе.

– Сколько ты планируешь пробыть в замке?

– Я хотел бы дождаться, пока дедушке не станет лучше.

– Тогда нам придется придумать тебе оправдание, – задумалась Катса. – Ведь все же думают, что ты ищешь дедушку.

По кивнул.

– Но если ты согласишься провести со мной пару тренировочных поединков, – предложил он, – это может послужить поводом.

Она стала тушить факелы.

– В каком смысле?

– Люди не удивятся, – объяснил он, – если я останусь, чтобы потренироваться с тобой. Они должны понимать, что мы видим в этом прекрасную возможность. Для нас обоих.

Перед последним факелом Катса помедлила, обдумывая предложение. Она полностью его понимала: надоело драться с десятком воинов сразу – воинов в полной амуниции, ни один из которых даже дотронуться до нее не мог, – и бить

вполсилы. Было бы здорово, просто здорово еще раз сразиться с По. А сражаться с ним каждый день было бы просто потрясающе.

– А это не будет выглядеть так, будто ты забросил поиски дедушки?

– Я уже был в Вестере, – ответил он, – и в Сандере. Могу съездить и в Нандер с Истиллом, как бы в поисках информации, а жить буду здесь, как думаешь? Нет города, который располагался бы удобнее.

Да, так можно было поступить, и ни у кого не возникло бы вопросов. Катса погасила последний факел и подошла к принцу. На одну половину его лица падал свет из коридора – на ту половину, где был золотой глаз, окруженный синяком. Она посмотрела на него снизу вверх, вздернув подбородок:

– Я согласна с тобой тренироваться. Но не жди, что я буду беречь твое лицо больше, чем поберегла сегодня.

Он расхохотался, но тут же посерьезнел и опустил глаза:

– Прости, Катса. Я хотел, чтобы лорд Гиддон был мне союзником, а не врагом, и это мне показалось единственным способом.

– Гиддон – глупец! – Катса с раздражением тряхнула головой.

– Это была естественная реакция, – сказал По, – учитывая его положение.

Внезапно он кончиками пальцев коснулся ее подбородка, и она замерла, забыв, что собиралась спросить насчет Гиддона и того, какое, во имя Миддландов, у него там еще положение. По наклонил ее лицо к свету:

– Мое кольцо.

Она не поняла.

– Это тебя мое кольцо поцарапало.

– Твое кольцо?

– Ну, одно из моих колец.

Ее поцарапало одно из его колец, а теперь кончики его пальцев касались ее лица. По опустил руку и безмятежно посмотрел на Катсу так, словно это нормально, как будто люди, с которыми она только-только подружилась, постоянно касались ее лица кончиками пальцев. Как будто она вообще хоть раз с кем-то подружилась. Как будто у нее было с чем сравнивать, чтобы решать, что нормально для друзей, а что нет.

Но сама она нормальной точно не была.

Подойдя к двери, Катса сняла со стены факел:

– Пойдем.

Нужно выпроводить отсюда этого странного человека с кошачьими глазами, который, кажется, создан для того, чтобы выводить ее из равновесия. Когда они сойдутся в следующий раз, она выбьет эти глаза из глазниц и сорвет кольца с этих ушей и пальцев.

Нужно выпроводить его отсюда, тогда можно будет вернуться в свое логово, к самой себе.

Глава десятая

Он был блестящим противником: к нему не удавалось подобраться, не удавалось ударить, куда хотелось, и с такой силой, как хотелось. Он ставил блоки и уворачивался с невероятной скоростью, реагировал молниеносно. Сбить его с ног было почти невозможно, но еще сложнее – сделать захват, когда поединок уже переходил на пол и превращался в борьбу.

По был намного сильнее, и первый раз в жизни Катса задумалась над тем, как важна сила. Раньше никто еще не подбирался настолько близко, чтобы

недостаток физической силы мог сыграть с ней злую шутку.

По очень тонко чувствовал все вокруг, в том числе движения, и это тоже нужно было преодолевать. Казалось, он всегда знал, что она делает, даже когда стоял спиной.

– Я поверю, что ты не видишь в темноте, если признаешься, что у тебя есть глаза на затылке, – сказала она однажды, войдя в комнату для тренировок, когда он, даже не обернувшись, поприветствовал ее по имени.

– В каком смысле?

– Ты всегда знаешь, что происходит позади.

– Катса, ты никогда не замечала, с каким шумом врываешься в помещения? Никто больше так яростно не распахивает двери.

– Может, твой Дар дает тебе обостренное чувство предметов? – предположила она, но По покачал головой.

– Может быть, но не больше чем твой – тебе.

В схватках ему по-прежнему доставалось больше из-за ее гибкости и неутомимой энергии, но главным образом – из-за ее скорости. Возможно, ей не удавалось ударить, как она хотела, но удар она все-таки наносила. К тому же он больше страдал от боли. Однажды он остановил бой, когда она пыталась пригвоздить его руку, ноги и спину к земле, а он молотил ее по ребрам единственной свободной рукой.

– Неужели не больно? – сказал он, задыхаясь от смеха. – Ты вообще ничего не чувствуешь? Я, наверное, раз двенадцать ударил, а ты даже не скривилась.

Она села на корточки и коснулась пальцами ребер под грудью:

– Больно, но не очень.

– Твои кости, наверное, из камня. У тебя после схватки ни ссадины не остается, а я ковыляю к себе и весь день прикладываю лед к синякам.

На тренировки он колец не надевал. В первый же день пришел без них, а когда Катса запротестовала, говоря, что такие предосторожности излишни, сделал невинное лицо.

– Я ведь обещал Гиддону, помнишь? – сказал он и начал бой с того, что пригнулся, смеясь, когда Катса бросилась на него.

Сапоги они тоже не носили с тех пор, как Катса случайно ударила его в лоб. Он упал на руки и колени, и она сразу поняла, что случилось.

– Позови Раффа! – крикнула она наблюдавшему за схваткой Оллу, посадила По на пол и, оторвав свой рукав, попыталась остановить поток крови, который хлынул в его затуманенные глаза. Когда через несколько дней Раффин дал добро на тренировки, она настояла, чтобы они дрались босиком. И, по правде говоря, с тех пор стала больше беречь его лицо.

На тренировках почти всегда присутствовали зрители – воины или лорды. Когда выпадала возможность, приходил Олл – их схватки доставляли ему огромное удовольствие. Порой бывал Гиддон, но он все время хмурился и никогда не оставался надолго. Даже Хильда – единственная из женщин – заглядывала при случае и сидела с округлившимися глазами, которые раскрывались тем шире, чем дольше она наблюдала.

Ранда не приходил, и это было хорошо. Теперь Катса радовалась его желанию держать ее не ближе чем на расстоянии вытянутой руки.

После упражнений они почти каждый день обедали вместе – в ее столовой или в лабораториях Раффина с ним и Банном, а иногда – за столом, который Раффин поставил в комнате Тилиффа. Старик был еще очень болен, но их общество, казалось, придавало ему сил и бодрости.

Иногда, когда они вот так сидели и разговаривали, серебристо-золотые глаза По заставляли ее врасплох. Она никак не могла привыкнуть к этим глазам, они ее смущали, но не отводила взгляда, когда По смотрел на нее, заставляла себя дышать и разговаривать, не обращая внимания на бурю внутри. Это были глаза,

всего лишь глаза, а она не была трусихой. К тому же ей не хотелось поступать с ним так, как все при дворе поступали с ней, – отводить взгляд, неловко, безразлично. Нельзя так поступать с другом.

А он стал настоящим другом: и в эти последние недели лета впервые в жизни Катса чувствовала себя в замке Ранды на своем месте. Здесь у нее были напряженные тренировки, работа и друзья. Шпионы Олла стабильно поставляли сведения, путешествуя по Нандеру и Истиллу. Удивительно, но в королевствах царил мир. Жара и тяжелый, душный воздух, казалось, усыпили даже жестокость Ранды, или, возможно, его просто отвлекла лавина товаров с торговых путей, всегда затоплявшая город в это время года. Как бы там ни было, Катсе не пришлось еще выполнять ни одного отвратительного поручения, и в конце концов она осмелела настолько, что чувствовала себя свободной.

Вопросы к По у нее никогда не кончались.

– Почему тебя так зовут? – спросила она однажды, когда они сидели в комнате старика и тихонько болтали, чтобы не разбудить его.

По оборачивал вокруг плеча повязку со льдом.

– Как? Имен у меня множество, выбирай любое.

Катса потянулась через стол, чтобы помочь ему плотнее затянуть повязку.

– По. Тебя все так называют?

– Меня так прозвали братья, когда я был совсем маленький. В Лиониде есть такое дерево – дерево по. Осенью его листья становятся серебристыми и золотыми. Прозвище довольно очевидное.

Катса отломала себе хлеба и подумала, было ли это имя дано с любовью, или это была попытка братьев оттолкнуть его, постоянно напоминая, что у него есть Дар. Она невольно улыбнулась, заметив, как торопливо он накладывает себе на тарелку гору хлеба, мяса, фруктов и сыра и начинает поглощать все это с такой же невероятной скоростью. Катса и сама могла съесть немало, но с По ей тягаться не приходилось.

- Каково это – иметь шесть старших братьев?

- Сомневаюсь, что у нас все так же, как у других, – задумчиво ответил он. – Рукопашный бой очень почитается в Лиониде. Все мои братья – отличные бойцы, но я, конечно, мог выстоять против них, даже когда был ребенком, – и постепенно поборол их всех. Они всегда относились ко мне как к равному, даже к более чем равному.

- И ты дружен с ними всеми?

- О да, особенно с младшими.

Возможно, быть Одаренным бойцом легче, если ты мальчик и если у тебя на родине почитают рукопашный бой, или, может быть, Дар у По впервые проявился не при таких трагических обстоятельствах, как у нее. Быть может, если бы у Катсы было шесть старших братьев, у нее было бы шесть друзей.

Или просто в Лиониде все было иначе.

- Я слышала, лионидские замки стоят на вершинах таких высоких гор, что людей поднимают туда на канатах, – сказала она.

- Только в город моего отца поднимают на канатах, – ухмыльнулся По и, налив себе еще воды, снова сосредоточился на тарелке.

- И?.. – нетерпеливо спросила Катса. – Ты собираешься мне про них рассказать или нет?

- Катса... Твоему пониманию недоступно, что человек может хотеть есть, после того как ты избил его до полусмерти? Мне начинает казаться, что это часть твоей стратегии – не давать мне есть. Хочешь довести меня до обморока?

- Для лучшего бойца Лионида, – парировала она, – у тебя слишком нежная конституция.

Рассмеявшись, По отложил вилку.

– Ладно, ладно. Как такое описать? – Он снова взял в руку вилку и начал рисовать ею в воздухе, рассказывая: – Город отца стоит на вершине огромной, высоченной каменной глыбы, горы, возвышающейся посреди равнины. К городу ведут три пути. Первый – дорога, выдолбленная в скале и обвившая ее широкой спиралью. Второй – лестница, которая вьется туда-сюда, пока не достигает вершины, – это хороший путь, если ты силен, ловок и идешь пешком, но большинство из тех, кто его выбрал, в конце концов выбиваются из сил и умоляют кого-нибудь на дороге их подвезти. Мы с братьями иногда бегаем по ней наперегонки.

– И кто побеждает?

– Где же твоя вера в меня? Зачем задавать такие вопросы? Ты бы, конечно, одолела нас всех.

– Мои боевые навыки никак не влияют на способность бегать вверх по лестнице.

– И все же я не могу себе представить, чтобы ты дала кому-то победить себя хоть в чем-нибудь.

Катса фыркнула.

– А третий путь?

– Третий путь – канаты.

– Но как они работают?

По почесал в затылке:

– На самом деле элементарно. Они висят на большом колесе, которое лежит на боку на вершине, а к нижним их концам прикреплены платформы. Лошади поворачивают колесо, колесо тянет канаты, и платформы поднимаются.

– Это, наверное, страшно тяжело.

– Почти все используют дорогу. Веревки предназначены только для крупных партий товаров.

– И весь город стоит там, в небе?

Кивнув, По отломил себе еще кусочек хлеба.

– Но какой смысл строить город в таком месте?

По пожал плечами:

– Наверное, потому, что это красиво.

– В каком смысле?

– Ну, с городских стен можно бесконечно смотреть на поля, горы, холмы. А с другой стороны – на море.

– Море, – повторила Катса.

Море ненадолго остановило лавину вопросов. Катса видела озера Нандера – некоторые из них были так широки, что противоположный берег едва виднелся вдаль, но моря не видела никогда. Она не могла себе представить столько воды, не могла представить, чтобы вода бушевала и билась о берег, как, говорят, это делает море. Рассеянно уставившись на стену комнатки Тилиффа, она попыталась вообразить это.

– Из города видны замки двух моих братьев, – произнес По, – они стоят на холмах у подножия гор. Остальные замки либо скрыты горами, либо слишком далеко.

– А сколько всего замков?

– Семь, – ответил По, – так же как и сыновей.

– Значит, один из них – твой.

– Самый маленький.

– И тебя устраивает, что он самый маленький?

По взял яблоко из вазы с фруктами на столе.

– Я очень этому рад, но братья не верят, когда я так говорю.

Катса их не винила. Ей никогда не приходилось слышать о человеке, который не хотел бы получить больше, чем у него есть. Гиддон постоянно сравнивал свое поместье с поместьями соседей, и даже Раффин, перечисляя претензии к Тигпену, никогда не забывал упомянуть о разногласиях по поводу точного прохождения восточной границы Миддланда. Она думала, что все мужчины таковы и что ей это безразлично, потому что она не мужчина.

– У меня нет амбиций моих братьев, – продолжал По. – Я никогда не хотел большого поместья, никогда не хотел стать королем или сюзереном.

– Я тоже, – проговорила Катса. – Я столько раз благодарила холмы, что сыном Ранды родился Раффин, а я – всего лишь племянница, дочь его сестры.

– Мои братья мечтают о власти, – продолжал он. – Им нравится участвовать во всех придворных распрях, они этим просто упиваются. Им нравится править своими замками и городами. Иногда мне кажется, что каждый из них хотел бы занять королевский трон.

Он откинулся на спинку стула и рассеянно провел пальцами по ушибленному плечу.

– Вокруг моего замка нет города, – добавил он. – Невдалеке есть один городок, но он сам собой управляет. И придворных у меня тоже нет. Это скорее просто очень большой дом, в котором я буду жить в перерывах между путешествиями.

Катса тоже взяла яблоко.

– Ты собираешься путешествовать?

– Я не могу все время сидеть на одном месте, как братья. Но мой замок так красив – это самый прекрасный дом на свете. Он стоит на утесе, у моря, и в утесе вырезаны ступени к воде. А балконы нависают так, что кажется, будто упадешь, если слишком сильно высунешься. Вечером, когда солнце спускается к воде, все небо становится багряно-золотым, и море вместе с ним. Иногда в воде можно разглядеть огромных рыбин невероятных цветов: они резвятся на самой поверхности, и на них можно любоваться с балконов. А зимой волны поднимаются очень высоко, и яростный ветер сбивает с ног – опасно даже выходить на балкон.

– Дедушка! – воскликнул он вдруг и, вскочив со стула, бросился к кровати.

Катса про себя усмехнулась: видно, глаза на затылке сообщили ему, что старик проснулся.

– Ты рассказываешь о своем замке, мальчик мой.

– Дедушка, как ты себя чувствуешь?

Катса ела яблоко и слушала их разговор. Ее распирало от всего, что рассказал По. Никогда раньше она не думала, что на свете есть такие прекрасные места, что хочется смотреть на них вечно. Тут По повернулся к ней, и в его глазах заплясало пламя факела. Катса заставила себя дышать ровно.

– Я падох на красивые виды, – сказал он. – Братья всегда меня из-за этого дразнили.

– И это глупо с их стороны, – проговорил Тилифф, – не ценить могущество красоты. Подойди, дитя мое, – позвал он Катсу. – Дай поглядеть на твои глаза, это придаст мне сил.

Его доброта заставила ее улыбнуться, хотя слова были пустячны. Она села рядом с дедушкой Тилиффом, и они рассказали ей еще много чудесного о замке По, о его братьях и о городе Рора, парящем в небесах.

– Далеко от Рандиона до поместья Гиддона? – спросил По однажды утром, когда они отдыхали, сидя на полу зала для упражнений, и освежались водой. Тренировка была отмененная. По накануне вернулся из поездки в Нандер, и Катсе подумалось, что перерыв пошел им обоим на пользу, – они схватились еще неистовее.

– Недалеко, – ответила Катса. – Примерно день пути на запад.

– Ты там бывала?

– Да. Оно очень большое и роскошное. Он не часто появляется дома, но все равно умудряется содержать его в порядке.

– Я не сомневался.

Гиддон заходил сегодня посмотреть на тренировку. Он был один и вскоре удалился. Катса не понимала, зачем он приходит, – их упражнения, казалось, всегда приводили его в дурное расположение духа.

Катса легла на спину и посмотрела на высокий потолок. Из больших, выходящих на восток окон в комнату лились потоки света. Дни стали короче. Скоро воздух будет холодным, и в замке запахнет древесиной, горящей в каминах. Листья начнут хрустеть под копытами лошади.

Последние пару недель было слишком тихо и спокойно. Ей хотелось, чтобы Совет поручил ей что-нибудь, хотелось вырваться из города и размять ноги. Неужели Олл до сих пор ничего не выяснил о Тилиффе? Может быть, стоит самой съездить в Вестер и попытаться что-нибудь разузнать?

– Что ты ответишь Гиддону, когда он попросит твоей руки? – спросил По. – согласишься?

Выпрямившись, Катса уставилась на него:

– Это бред.

- Бред? Почему?

На его лице - ни тени обычной улыбки. Едва ли он ее дразнит.

- Почему, во имя Миддландов, Гиддон вздумает просить моей руки?

Он прищурился:

- Катса, ты ведь не серьезно?

Она непонимающе посмотрела на него, и вот теперь он начал улыбаться.

- Катса, ты что, не знаешь, что Гиддон влюблен в тебя?

- Не пори чушь, - фыркнула она. - Гиддон живет ради того, чтобы ко мне цепляться.

По покачал головой, из его груди вырвался сдавленный смешок.

- Катса, как можно быть такой слепой? Он от тебя без ума. Ты разве не видишь, как он ревнует? Помнишь, какая была сцена, когда я тебя поцарапал?

Внутренности Катсы неприятно сжались.

- Не понимаю, как это связано. И к тому же откуда тебе-то знать? Едва ли лорд Гиддон тебе докладывается.

- Нет, - рассмеялся он. - Определенно не докладывается. Гиддон скорее Мергону доверится, чем мне. Держу пари, он посчитал бы всякого, кто борется с тобой, как я, просто бандитом и авантюристом.

- Ты заблуждаешься, - настойчиво повторила Катса. - Гиддон ничего ко мне не испытывает.

- Я не могу открыть тебе глаза, Катса, если ты твердо решила не видеть. - По, зевнув, растянулся на полу. - Как бы там ни было, на твоём месте я бы заготовил

ответ. Просто на случай, если он все же предложит. – Он снова рассмеялся. – Придется опять прикладывать лед к плечу. Кажется, сегодня ты снова победила.

Она вскочила на ноги:

– Мы закончили?

– Похоже что да. Ты проголодалась?

Катса отмахнулась от него и направилась к двери. Оставив По лежать на спине в лучах солнечного света, она побежала искать Раффина.

Когда Катса ворвалась в лабораторию, Раффин и Банн плечо к плечу сидели за столом, склонившись над книгой.

– Вы одни?

Они с удивлением подняли глаза:

– Да...

– Гиддон что, влюблен в меня?

Раффин заморгал, а глаза Банна округлились.

– Он никогда не говорил со мной об этом, – ответил Раффин. – Но да, думаю, любой, кто его знает, сказал бы, что он в тебя влюблен.

Катса хлопнула себя ладонью по лбу:

– Из всех дураков на свете... как ему пришло в голову... – Дойдя до стола, она развернулась и ринулась обратно к двери.

– Он тебе что-то сказал? – спросил Раффин.

- Нет. Мне сказал По. - Она резко развернулась. - А вот ты почему не сказал?

- Кати, - он откинулся на стуле, - я думал, ты знаешь. Не представляю, как ты не заметила. Он сопровождает тебя всякий раз, как ты уезжаешь из города по делам короля, все время сидит рядом за ужином.

- Это Ранда решает, кому где сидеть за ужином.

- Ну, он наверняка в курсе, что Гиддон надеется жениться на тебе, - сказал Раффин.

Катса снова промаршировала к столу, вцепившись пальцами в волосы.

- Это ужасно. Что мне делать?

- Если он попросит тебя выйти за него замуж, ответишь «нет». Скажешь, что дело не в нем, что ты вообще не собираешься замуж, не хочешь детей, скажешь все, что угодно, лишь бы он понял, что причина не в нем.

- Я бы не вышла за Гиддона, даже если бы от этого зависела моя жизнь, - сказала Катса. - Даже если бы от этого зависела твоя жизнь.

- Э-э-э, - в глазах Раффина плескался смех, - притворюсь, что я этого не слышал.

Тяжело вздохнув, Катса снова зашагала к двери.

- Если позволишь, - продолжал Раффин, - ты, Кати, не самый догадливый человек на свете. Твое умение не замечать очевидное изумляет.

Она всплеснула руками и повернулась, чтобы уйти, но внезапно снова повернулась к нему, осененная ужасной догадкой:

- А ты, случайно, в меня не влюблен?

С мгновение он просто смотрел на нее, потеряв дар речи, а потом неудержимо расхохотался. Банн тоже засмеялся, хоть и галантно пытаюсь прикрыть рот

ладонью. Но Катса была слишком рада, чтобы обижаться.

- Ладно, ладно, - сказала она. - Наверное, я это заслужила.

- Милая сестренка, - сказал Раффин, отсмеявшись, - Гиддон - такой интересный мужчина, ты уверена, что не захочешь передумать?

И Раффин, и Банн снова захохотали, схватившись за живот. Катса отмахнулась - они безнадежны! - и повернулась к двери.

- Сегодня вечером собирается Совет, - догнал ее голос Раффина.

Она подняла руку, чтобы дать понять, что слышала, и вышла из звенящей от смеха комнаты.

- В семи королевствах почти ничего не происходит, - говорил Олл. - Мы собрали Совет только потому, что получили сведения о принце Тилиффе, которые поставили нас в тупик. Надеемся, у вас будут идеи.

На этом собрании присутствовал Банн - принц пошел на поправку, так что его можно было иногда оставлять одного. Катса, воспользовавшись широкой грудью и плечами Банна, усадила его между собой и Гиддоном. Гиддону не было ее видно, но на всякий случай она посадила между ними еще и Раффина. Олл и По сидели напротив. По откинулся на спинку стула, и куда бы она ни смотрела, боковым зрением все время ловила мерцание его глаз.

- Лорд Давит сказал нам правду, - продолжал Олл. - Ни в Нандере, ни в Истилле ничего не знают о похищении. Они непричастны. Но теперь мы также почти уверены, что и Бирн, король Вестера, в нем не замешан.

- Так, может быть, это все-таки Мергон? - предположил Гиддон.

- А мотив? - спросила Катса.

- Мотива у него не было, - вмешался Раффин. - Впрочем, как и у всех остальных. Мы все время в это упираемся. Ни у кого не было причин похищать принца. Даже

По... принц Первоцвет... не может предположить, зачем его украли.

- Мой дедушка важен только для нашей семьи, - кивнул По.

- А если кто-то хотел спровоцировать правящий дом Лионида, - добавил Олл, - разве со временем он не обнаружил бы себя? Иначе все эти интриги бессмысленны.

- Тилифф ничего больше не рассказал? - спросил Гиддон.

- Рассказал, что ему завязали глаза, - ответил По, - и чем-то опоили. Они долго плыли на корабле, потом ехали, но уже не так долго, - видимо, похитители переправили его из Лионида на восток морем, может быть, в один из портов южного Сандера, а потом лесом увезли в Мергонион. Их говор показался ему южным.

- Значит, это, скорее всего, Сандер - и Мергон, - заключил Гиддон.

Но это какая-то бессмыслица! Ни у кого из королей не было причин, особенно у Мергона. Мергон работал на других, его единственной целью были деньги. Это знал каждый за столом, каждый член Совета.

- По, - нарушила молчание Катса, - у дедушки не было ссор с твоим отцом или братьями? Может, с матерью?

- Нет, - ответил По. - Это точно.

- Не понимаю, с чего вы так уверены, - вставил Гиддон.

- Придется поверить мне на слово, лорд Гиддон, - сверкнул глазами По. - Ни мой отец, ни братья, ни мать, ни кто-либо еще при дворе Лионида не принимали участия в похищении.

- Совету достаточно слова По, - сказал Раффин. - И если похититель - не Бирн, Драуден, Тигпен, Ранда или Рор, значит это Мергон.

По поднял брови:

- А почему никто даже не подумал о короле Монси?

- Король, который славится добротой к беззащитным тварям и сиротам, - снова подал голос Гиддон, - прервал свою уединенную жизнь и озаботился похищением пожилого тестя? Неправдоподобно, вам не кажется?

- Мы изучили обстановку и не нашли ничего подозрительного, - сказал Олл. - Король Лек - миролюбивый человек. Либо это Мергон, либо кто-то из королев что-то скрывает даже от своих собственных шпионов.

- Это может быть сам Мергон, - проговорила Катса, - а может, и нет. Но в любом случае Мергон знает похитителя. Если знает Мергон, то знают и его приближенные. Неужели нельзя разыскать кого-нибудь из них? Я заставлю его заговорить.

- Но тогда вы раскроете себя, миледи, - напомнил Олл.

- Она может его убить, - предложил Гиддон, - после допроса.

- Подождите-ка! - Катса подняла ладонь. - Об убийстве я ничего не говорила.

- Но, Катса, - вмешался Раффин, - сведения не стоят того, чтобы тебя узнали и донесли обо всем Мергону.

- Это все равно должен делать Первоцвет, - встрял Гиддон, и По еще раз окинул его ледяным взглядом. - Мергон знает, что у лионидского принца есть причины, и будет этого ожидать. Если честно, я не понимаю, почему вы до сих пор этого не сделали, - он обратился к По, - если так горите желанием узнать, кто виновен в похищении.

Катса так разозлилась, что совсем забыла о своем стратегическом размещении и наклонилась вперед, чтобы через Раффина с Банном посмотреть на Гиддона.

- Потому что Мергону нельзя знать, что По в курсе его участия, - объяснила она. - Как он это объяснит, не подставив нас?

– Но это только подтверждает, что не получится допросить людей Мергона и оставить их в живых, Катса. – Гиддон стукнул ладонью по столу и посмотрел на нее.

– Ладно, – прервал их Раффин, – хватит. Мы ходим по кругу.

Закипая от негодования, Катса откинулась на спинку стула.

– Катса, – продолжал он, – ради этих сведений мы не станем рисковать тобой и Советом. И к пыткам прибегать тоже не станем.

Она глубоко вздохнула про себя. Раффин, конечно, прав.

– Может быть, в будущем нам придется. Но пока принц Тилифф в безопасности, и со стороны Мергона или кого-либо другого не видно никакой угрозы. По, если хочешь что-то предпринять – твое дело, но я бы просил тебя сначала обсудить это с нами.

– Мне нужно подумать, – ответил По.

– Значит, вопрос исчерпан, – заключил Раффин, – пока не узнаем что-нибудь еще или пока По не решит, что делать. Олл, у нас есть еще темы?

Олл пустился в рассказ о вестерской деревне, которая встретила нандерских мародеров парой катапульта, одолженных одним из вестерских феодалов, другом Совета. Под дружный смех он перешел к другой истории, но мысли Катсы витали в темницах Мергона и сандерских лесах, таивших секреты этого странного похищения. Почувствовав взгляд По, она подняла глаза. Он смотрел на нее, не видя, – мысли его тоже были где-то далеко. Такое иногда случалось, когда они сидели вместе после тренировок.

Она смотрела на его лицо: от раны на лбу осталась теперь лишь тоненькая красная линия. Будет шрам. Ей подумалось, а не ранит ли это его лионидское тщеславие, но она тут же внутренне улыбнулась. На самом деле он не тщеславен. Ему было все равно, когда она подбила ему глаз, он ничего не сделал, чтобы скрыть порез на лбу. К тому же тщеславный человек не станет добровольно биться с ней день за днем, не отдаст свое тело на милость ее

кулаков.

Рукава снова закатаны до локтей – манеры у него на редкость небрежные. Взгляд Катсы скользнул по впадинам ключиц, потом снова поднялся к лицу. Наверное, у него есть основания быть тщеславным: он ничуть не уступает Гиддону или Раффину, у него красивые прямой нос и линия рта, мощные плечи. И даже эти мерцающие глаза... даже их можно назвать красивыми.

Внезапно он словно очнулся и посмотрел прямо на нее. В глазах мелькнуло что-то озорное, засветилась усмешка, как если бы он точно знал, о чем она думает, что решила на тему его тщеславия. Лицо Катсы превратилось в маску, и она бросила на По сердитый взгляд.

Собрание закончилось, загремели отодвигаемые кресла. Раффин потянул ее в сторону, чтобы о чем-то поговорить, и она порадовалась поводу отвернуться. Теперь они с По не встретятся до следующей схватки, а бой всегда помогает ей обрести равновесие.

Глава двенадцатая

На следующее утро к ним на тренировку впервые пришел сам Ранда. Он стоял в стороне, так что всем остальным в зале приходилось тоже стоять и наблюдать за ним, а не за боем, ради которого они пришли. Катса была рада, что схватка дает ей возможность не обращать на него внимания. Вот только это было невозможно. Ранда, высокий, широкоплечий, выделялся на фоне белой стены своими ярко-синими одеждами, его ленивый смех был слышен во всем зале. Ей не удавалось отмахнуться от ощущения его присутствия – королю было что-то нужно. Он никогда не приходил к своему палачу, если не хотел что-то поручить.

Когда явился Ранда, они с По отработывали один прием, который доставлял Катсе немало хлопот. Из исходного положения – Катса стоит на коленях, По сзади выкручивает ей руки – она должна была освободиться от захвата и добиться, чтобы в этом положении оказался он сам. Ей всегда удавалось освободиться – тут трудностей не было, но вот с контрзахватом нужно было попотеть. Даже когда получалось поставить его на колени и выкрутить руки, закрепить захват казалось невозможным – элементарно не хватало силы. Когда

он пытался встать на ноги, она не могла его удержать, не оглушив и не ранив, а цель тренировок была не в этом. Нужно было найти такой захват, освободиться из которого было бы слишком больно и трудно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tn.knigapoisk.com/ru/kashor_kristina/odarennaya

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)